

Искорка 11
1974

газеты
«Ленинские
искорки»,
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

НОЯБРЬ ● 1974

год издания XVIII

Герман ГОППЕ

ЗА ТЕБЯ, РЕВОЛЮЦИЯ!

Если даже слегка
не притронется ветер к траве,
Не шелохнет в листьях
паутины тончайшие нити,
Всё равно над гранитом
колеблется трепетный свет,
Всё равно беспокоен огонь на граните.
Беспокоен огонь
над покоем нарядной земли.
Беспокоен огонь,
озарённый легендой прекрасной:
От костров революции
люди его принесли,
И поэтому он
никогда не погаснет.
Он, как память людская,
от сердца до сердца летит.
Неоглядная даль для такого полёта
открыта.
Центр Марсова поля.
Стою в окружении плит.
На скупом языке говорят
эти плиты:
Нет ни слова о подвигах.
Только одни имена.
Буквы слишком строги,
чтобы их позолотою трогать.
Но за ними вся жизнь
до последнего мига видна.
И в сегодняшний день
ей открыта дорога.

Вот встаёт полководец на бруствер окопа:
 — За мной! —
 Увлекает в атаку
 свою краснозвёздную лаву.
 Как сама Революция —
 он молодой-молодой...
 И следит за начдивом
 посмертная слава.
 Продармеец-мальчишка почувствовал
 пули удар,
 Как детей, заслоняет
 мешки с отвоёванным хлебом.
 А за тысячи вёрст
 молодой-молодой комиссар
 Справедливую саблю
 вздымает в горячее небо.
 И за ним эскадроны
 рванутся в деникинский тыл,
 На слепящих клинках
 пронося Революции ветер.
 Комиссар на скаку у своей,
 у последней черты,
 Увлечённый Победой,
 и смерти своей не заметит.
 Имена...
 Имена...
 На граните строка за строкой,
 Словно жизнь коротка.
 И ни слова, ни слова о том, как
 За тебя, Революция,
 шли они в яростный бой.
 Лишь одни имена —
 остальное в сердцах у потомков.

Рис. П. Вискова

ТРУДНЫЙ МЕСЯЦ МАЙ

КРАСНЫЕ РАКЕТЫ

Обычно прораб, Градов Павел Кириллович, заслышав дальние взрывы, завидовал молодому офицеру Январёву. До мурашек в ладонях хотелось крутнуть разок подрывную машинку или, прижав серную головку спички к чёрному свежему срезу огневого шнура, резко провести коробком, услышать тонкий свист горящего пороха, бережно отпустить шнур и — стремглав прочь.

Прыгнуть в ровик, залечь за камень, нырнуть в крытую траншею и, жадно глотая воздух, с волнением ждать взрыва. Сколько тонн взрывчатки вздыбил над землёй Градов за четыре года войны!

Он знал, что сегодня Январёв должен подрывать развалины в центре Иришей. И его потянуло к сапёрам. Только в этот раз стремления ещё раз вдохнуть горький запах взрывчатки не было.

Дело сапёров предстояло довершить строителям. И не до «потряхивания стариной» было сейчас Градову.

Продолжение. Начало в «Искорке» № 7.

Пропал сынок, пропал, как солдат без вести.

— В общем, Павел Кириллович, сделаем всё в лучшем виде, — сказал Январёв и улыбнулся застенчиво и светло.

Они стояли у входа в штольню, беседовали и смотрели, как окружают место подрыва солдаты и милиция оцепления. Извлечённые из земли смертоносные трофеи обычно уничтожали за городом. В этот раз всё происходило на виду у всех, и от любопытных не было отбою. Не каждый день в центре города поднимают на воздух железобетонные холмы!

— Товарищи, граждане! — упрашивал через мегафон милиционер. — Не напирайте, отойдите подальше!

О ребятне и говорить нечего, со всех микрорайонов сбежались.

— Сработаем ювелирно, Павел Кириллович.

Старший лейтенант Январёв мог считать себя по праву опытным и бывалым разминирователем, но к Градову испытывал неподдельное почтение и чувствовал себя перед ним, заслуженным боевым офицером запаса, курсантом-стажёром.

— Да я и не сомневаюсь, — отвечал Градов. — Ни одна шибка в окне не треснет, думаю. Другое заботит: как нам дальше с этим «добром» быть? Вывозить? Сколько машин понадобится. Вот если удастся перекрытие обрушить, другой коленкор. Тогда мы бульдозерами весь хлам под землю сбросим. Всё равно от тех подвалов проку никакого, а так ещё одну, последнюю добрую службу сослужат. Потом чернозёма подбросим, озеленим. Тут же Дом пионеров и школьников запланирован.

— Знаю, Павел Кириллович. Постараемся. Не в один, так в два, три захода пробьём перекрытия. Хотите взглянуть, как заряды разместили?

— Давай, если надо.

Сапёры поработали на совесть. Градов на собственном опыте знал, чего стоит пробиться через пятиметровый железобетонный завал. Сапёры добрались до крыши подвала, расширили внизу штольню так, что она похожа была теперь на колбу с длинным горлышком, но объёмом — в многоместный дот.

Внизу довольно свободно помещались двое.

Градову вспомнился наган, после стольких лет увиденный в кабинете милицейского инспектора. Градов тогда не удержался, покрутил барабан с пустыми патронниками. Потому, очевидно, он и вспомнил о нагане, что стоял сейчас в центре огромного барабана с гнёздами, заполненными толом. И сработают толовые заряды не одновременно, а один за другим, как револьверные выстрелы.

— Машинкой безопаснее, — сказал Градов, и Январёв понял его без разъяснений.

— Это точно, Павел Кириллович. Но боюсь, что после первого взрыва обвалится что-нибудь и за просто даже пересечёт провод, а то и все остальные подводы. Шнуром, в данном случае, надёжнее.

— Я шнуром работать тоже любил, — признался Градов, и по ладоням забегали мурашки.

Они выбрались на поверхность. Там ждали начальник милиции и лейтенант-пехотинец, командир взвода оцепления.

— Старая гвардия инспектирует? — без улыбки пошутил начальник.

Градов молча кивнул и поздоровался с ним за руку.

— Пока ничего, — тихо сочувственным голосом сказал начальник.

Градов всё так же молча кивнул ещё раз.

— Район оцеплен! — доложил лейтенант.

— Дёбро. — Январёв огляделся, подтянул ремень, засунул под него большие пальцы и отвёл руки за спину, гимнастёрку расправил. — Будем начинать. Сирену!

Низко и хрипло, затем всё выше и громче звывала сирена. Все, в том числе и Градов, заспешили прочь. У шурфа остались Январёв и сержант с мотком бикфордова шнура и жестянкой с детонаторами. Потом и они исчезли, скрылись под землёй.

Январёв, сверяясь с таблицей, резал огневой шнур на куски разной длины. Жёлтые змейки с косыми угольно-чёрными срезами становились короче и короче. Сержант всовывал один конец шнура в свободную часть детонаторной трубки и обжимал, скрепляя их воедино. Внешне работа шла медленно и осторожно, но дело двигалось быстро.

Детонаторы с жёлтыми хвостами Январёв сам вкладывал в гнезда зарядов. В той же последовательности, в какой нарезал шнур, от самого длинного до последнего коротыша, рассчитанного на три минуты, — столько требовалось, чтобы выбраться из начинённой толлом колбы и добежать до укрытия. Укрытие для себя Январёв выбрал под нависающей плитой в окраинной части развалин.

— Нормально, — сказал Январёв, удовлетворённый работой, и подмигнул, улыбнулся сержанту, но тотчас согнал с лица улыбку. Неуместна она сейчас, а подмигивать подчинённому и вовсе не положено.

Первым вылез сержант, Январёв тоже выбрался на поверхность убедиться ещё раз, что всё в порядке, отдать последние распоряжения. Он забрался на сваленную утром колонну, прошёл по ней, как по наклонному бревну, в верхний конец и огляделся вокруг.

По часам — ночь, по небу — зоря утренняя. Нежно-зелёный майский лес острова Любви, опрокинувшись, купался в сине-розовом Волхове. По песчаным отмелям пустынных берегов бродили речные чайки. Вдали, у красных кирпичных стен очистной, ярко выделялся жёлтый «газик» милиции.

«Осипов», — понял Январёв и на какой-то миг засомневался в своей убеждённости. «А что, если...» Нет, такого не может быть. Не могли туда дети проникнуть. И вода же там, в подвалах.

И опять лес, весёлый кустарник, одинокие фигуры солдат оцепления. Ближе к Дому Советов цепь плотнее, милиционеры и солдаты через каждые двадцать, десять метров.

На площадке перед домом густая толпа. Молчаливая, настороженная, ждущая. В открытом окне третьего этажа женщина в белой кофточке навалилась на подоконник, смотрит сюда.

Январёв узнал ее. «Что она делает там, в горькоме партии?.. Вызвали, очевидно. В школе, как в армии: рядовой набедокурил — забот и неприятностей из-за него от взводного до генерала».

Январёв поднял руку до груди и помахал. Светлана Васильевна ответила. И от её приветствия стало ещё светлее вокруг, захотелось скорее разделаться с сегодняшней работой, освободиться, встретиться. «Скорее бы кончился трудный месяц май!»

— Ракеты! — во всю силу лёгких крикнул Январёв, и со всех сторон запретной зоны взлетели красные искрящиеся комья.

Спрыгнув вниз, Январёв молниеносно расстегнул и сбросил ремень с портупеей и стремительно направился к штольне. Филимонову он ещё издали жестом приказал уходить в укрытие.

Аккумуляторный фонарик Январёв повесил на грудь. Светло, и руки свободны. Он придирчиво оглядел новый коробок, зажёл раз и другой спички для проверки. Всё нормально. Он несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул воздух, как на вышке перед прыжком в воду, и быстро, сноровисто, точно поджёл все пороховые фитили. Со всех сторон засипели тонкие дымные струи.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Конец третьих суток

Н Е Б Ы Т И Е

Переложили почти все ящики, но ни одного с взрывателями не оказалось. Остались последние — у стены. Но и на них надежды мало было, хотя Антон и бормотал изредка: «Не может такого быть...»

Взрывателей не было. Ростик вспомнился «газик», который давно уже торчит на приколе возле кинотеатра. Машина как машина: кузов, сиденья, под капотом с жабрыными щелями двигатель. И руль есть, и фары, и колёса. Не достаёт до полного комплекта одной-разъединственной штучки — резинового манжетика. Цена ему пяточок, а нету. И стоит-простаивает хорошая машина!

А в жизни? Всё, кажется, есть. Есть прекрасное Каспийское море, замечательный город Баку, дом, где ждут тебя на каникулы. Но нет одной трубочки, взрывателя, и не видеть моря в этом году. В этом ли только? Может быть, никогда?

Опять всплыла запавшая в память прочитанная непонятная фраза: «Не смерть, небытие страшит».

Что значит небытие? Когда нет тебя? Всё есть, а тебя нет. Как сейчас. Там, наверху, есть город, завод, люди, а ты — в земле. Нет тебя. И не было будто.

Был! Был, и не стало. Что с бабушкой сделается, когда узнает! Сердце разорвётся. Оно у неё такое больное, как у Марь-Петровны было.

Три сына бабушки, три дяди Ростика, погибли на войне. Вместо них пришли три извещения, три «похоронки». Теперь вот единственный внук, сын единственного оставшегося в живых сына тоже уходит в небытие... Бабушка всегда предчувствовала: «Ты меня когда-нибудь в могилу сведёшь, внук мой. Аллах свидетель».

Ни в какого она бога не верит, нет его, а и был бы...

Был бы... Не бог, другая сверхъестественная сила, Всемогущее Бюро Добрых Услуг, послал биотоками сигнал в эту ВБДУ и...

Ростик насторожился.

Кто-то зашаркал по цементному полу. Кто? Он хотел спросить, крикнуть: «Кто?» И не смог.

Алёне всё чудилось, что она не впервые здесь. Была. Давно. Во время войны, когда её и на свете не было. Но здесь она уже была. Её никто не замечал, а она всё видела и запоминала.

Сумрачный подвал с чёрными тенями вооружённых солдат, лампу из сплюсненной гильзы, хмурое лицо командира сапёрной роты Градова. Он рассматривает немецкую карту и всё время прислушивается. Вокруг фашисты. Не выбраться, не вырваться из блокадного кольца!

«Не может быть, чтобы ничего не было», — твердит Градов, а выхода нет и нет. Но он — командир и должен найти выход.

«Ораз, — зовёт ординарца Градов, — дай ракетницу. И красную ракету». — «Красных ракет нет», — отвечает Халитов О. С. «Почему? Не может быть такого. За такое под военный трибунал отдать мало!»

Халитов О. С. соглашается со своим командиром, но красных ракет нет. «Хорошо, — говорит тогда командир. — Заряди моё сердце». И начинает расстёгивать полушубок на груди, чтобы вырвать сердце, как Данко из прекрасной легенды Максима Горького.

Но тут появляются разведчики, которые могут пройти где угодно. Командир отводит руки Градова от распахнутой груди. «Погоди, сапёр, не спеши умирать. Умереть — не самое хитрое дело. Победить надо». И с этими словами достаёт из кожаного портфеля большой, как пушка, пистолет. Он такой большой, что волочится по полу, когда разведчик идёт к штабелю с минами.

Из-за широкой спины в полутемноте Алёна не видит, но слышит, как разведчик с шумом сдвигает тяжёлый ящик. И сразу же гремят взрывы-выстрелы.

Эхо заполняет подвал тугим громом.

— Что это? Кто? — почти разом закричали Антон, Ростик и Алёна.

Наверху грохотали взрывы, и всё в подвале вздрагивало, как при землетрясении.

Ребята сбились в кучу. Вместе не так было страшно. Вскоре всё опять затихло, словно гроза пронеслась. Но солнце не выглянуло из-за чёрных туч. Казалось, стало ещё темнее.

— Что это? — дрожащим шёпотом спросила Алёна.

— Это, это... — Ростик никак не мог совладать с собой.

— Нас ищут. — Антон думал, что он крикнул громко и радостно, на самом же деле сказал он эти слова тише Алёны. Но мысль, что их ищут, пробиваются к ним, возвратила ему силы и волю.

— Это нас ищут. Это к нам идут, — уверенно сказал Антон и потребовал зажечь последнюю свечу: — Огня. И — работать!

И когда они опять взялись за дело, исчезли и страхи, и странные видения, и пагубное ощущение безысходности.

Алёна подсвечивала Антону и Ростiku. Тени их и неподвижные тени от ящиков лежали на стене. Вдруг Алёна обратила внимание на то, что в одном месте тени обрывались по прямой. Не обрывались, а сливались с чёрным прямоугольником.

За штабелем ящиков скрывался ход в следующее помещение или выход на волю.

Ребята лихорадочно снимали и откладывали в сторону ящики, пока не появилась возможность перелезть через последнюю преграду. На этот раз они ничего не взяли с собой. Лишь Антон, скорее машинально, чем преднамеренно, сунул за пояс сигнальный пистолет с инициалами Ораза Халитова.

Они торопились и шли вперёд, не оглядываясь по сторонам. Да там ничего и не было заслуживающего внимания. Они шли по длинному ходу. Шли и — в какой раз! — опять упёрлись в преграду. Антон посветил во все стороны. Непроступные железобетонные стены. Вверху и внизу — тот же серый камень. Спасение казалось таким близким, таким неоспоримым, что было вдвойне обидно.

— Конец, — удивленно прошептала Алёна.

— Теперь всё, — тихим безразличным голосом приговорённого к смерти сказал Ростик, и плечи его сдвинулись.

— Не хныкать!

Антон оборвал их по инерции, ему ещё мнилось, что не всё потеряно, выход есть, ещё чуточку и — спасены. Оборвал и сам опустился на пол, будто всю кровь из него сразу выпустили. Так они и сидели, молчащие, подавленные, обречённые, не способные даже на слёзы.

Антон не погасил свечу. Горячий воск стекал на пальцы и застывал.

— Когда я вырасту, обязательно стану учительницей, — заговорила Алёна доверительным голосом. И голос и мечтания её прозвучали настолько противостоительно, что Антон с Ростиком тревожно переглянулись: не рехнулась ли?

— Как Марь-Петровна и Светлана Васильевна. Только не в младших классах, а в старших. Литературу преподавать буду.

Скажи она — арифметику, Антон утвердился бы в мысли, что девочка тронулась. Литература, русский язык — это для Алёны.

— А вы кем будете?

Мало ли кем они собирались стать!..

— Я хотел... — начал Ростик и сглотнул что-то.

— Не хотел, а хочу, — учительским голосом поправила Алёна. — О будущем же говорим.

«Какое будущее!» — в сердцах чуть не крикнул Антон, но прикусил губу и заскрёб кончик носа.

Будущее, конечно, о будущем думать надо. Мечтать, стремиться, добиваться! О прошлом нельзя забывать, но жить можно лишь будущим. А они носы повесили, разоружились, сдались без боя. Не они, Антон и Ростик. Алёна о будущем думает! И друзей своих из трясины безнадежности тащит. Как учитель, как командир.

— Я строителем буду! — с вызовом сказал Антон. — А ты?

Ростик давно решил свою жизнь. Потомственный нефтяник, правнук, внук, сын нефтяника, Ростик тоже будет на заводе работать.

К тому времени, когда он выучится на инженера, двадцатимиллионные АВТ придумают!

— Ладно, — щедро пообещал Антон, — выстроим!

— Только школу сперва окончить надо, — со значением произнесла Алёна, — а мы тут сидим.

И так это она произнесла, будто они нарочно в могиле отсиживаются.

— Да, пора выбираться, — буднично сказал Антон и встал на ноги. Он поднял над головой огарок, посветил вокруг.

Со всех сторон давил мрачный бетон. С потолка свешивались мёртвенно-бледные лохмотья. Стены заплесневели лишь поверху.

— Почему так? — спросил Антон Ростика.

Тот и сам уже обратил на это внимание.

— Сырости там больше, наверное...

Сырость могла проникать из соседних, недавно ещё залитых помещений, от водоносных пластов, от болота, от дождей...

Конечно, от дождя! Место здесь высокое, сухое. Болота, если и были, то в незапамятные времена. Значит, до поверхности земной рукой подать! Как только подать её?..

— А это что?

Глазастая же Алёна!

В дальнем верхнем углу чернело прямоугольное пятно. Антон шагнул ближе и сразу обнаружил скобы в стене. Первая торчала на уровне груди, последняя едва просматривалась в чёрном пятне.

— Лестница! — иступлённо закричал Антон. — Лестница!

— Вверх! На небо! — подхватила Алёна.

Глупость, конечно: лестница в небо. Но сейчас ни Антон, ни умный Ростик, ни сама Алёна не обратили внимания на дикую несуразицу — лестницу в небо — никакого внимания. Лестница, лестница и есть. Есть выход! Лестницы же просто так не делают, в никуда.

— Подсадите! — крикнул Антон и протянул Алёне жалкий остаток свечи, но она прилипла к руке и так нестерпимо запекло, что Антон инстинктивно отшиб огарок.

Последний, единственный источник света упал вниз, и Ростик, кинувшийся подсаживать Антона, наступил на огарок ногой... Воцарилась крошечная тьма. Так темно ещё не было. Наверное, потому, что в последние минуты огонь был перед самыми глазами.

Ребята обмерли. Ростик даже не оправдывался. Какие слова могут заменить живое пламя?

— Что ты-ы наде-елал? — заикала Алёна.

— Ладно, — мрачно остановил её Антон. — Не вернёшь. И не надо, может быть...

Если бы! Сколько раз упирались в непреодолимую могильную стену. Кто знает, выведет ли железная лестница в небо? Что там наверху? Крышка люка, железобетонная плита, гора бомбового завала — что?

— Подсади. Ну! — прикрикнул Антон и ухватился за холодную липкую скобу.

Первая скоба.

Вторая...

Пальцы, ботинки скользят. Расстояние между скобами — на дядей рассчитано!

— Что?

Третья скоба.

Четвёртая...

— Что там?

Пятая скоба.

Шестая...

Антон поднимался всё выше, выше. Наверняка уже выше потолка поднялся. Точно: рука не нащупала седьмую скобу, её не было, кончилась лестница. Пальцы лихорадочно поползли по шершавой и осклизлой отвесности круглого люкового колодца.

Антон поднял глаза и увидел... Не увидел — уловил, угадал слабый отблеск.

— Что там?!

— Свет! Небо!

Не теряя ни секунды, Январёв вскарабкался наверх и, пригнувшись по профессиональной привычке, побежал к наклонной плите. И тут откуда-то сверху раздался крик. Не крик, вопль, вырвавшийся, кажется, не из горла, из сердца:

— Дети!

Январёв остановился так резко, что едва не упал. Он никогда не слышал таким Светланин голос, но почувствовал: это — она. И сразу посмотрел на распахнутое окно в третьем этаже.

— Дети! — кричала Светлана Васильевна, показывая рукой куда-то в сторону. Не куда-то, в сторону штольни.

Январёв не видел детей, не понимал, откуда они могли там появиться, но, не раздумывая, бросился назад.

Из укрытия вдогонку за ним кинулся Филимонов. Подались вперёд солдаты оцепления. Толпа загудела и качнулась.

— Назад! — на бегу выкрикнул Январёв. — Все — назад!

Филимонов поравнялся с ним перед самой штольней, но командир оттолкнул его и тоже крикнул: «Назад!»

В последний момент Январёв увидел выбиравшегося наполовину из-под обломка плиты чумазого мальчишку. Он не признал, а догадался, что это Антон, сын прораба Градова.

— Беги! — с яростью заорал Январёв. Он схватил мальчишку за обе руки и выдернул, как травинку: — Беги!

— Там! — ошалело закричал в ответ Антон и судорожно затыкал пальцем под ноги. — Там... ещё!

— Что ещё?!

— Они! И там...

— Беги! Взорвётся!!! — совсем диким голосом заорал Январёв и подтолкнул в спину мальчишку, но тот извернулся и намертво вцепился в гимнастёрку.

— Нельзя взрывать! Там немецкие мины! Целый склад!

Январёв на миг оцепенел, потом с силой оттолкнул от себя Антона и прыгнул в штольню. Подскочил Филимонов и силком уволок Антона от гибельного места. Они не отбежали и двадцати шагов, как позади глухо ударил подземный взрыв.

— Ложись,— выдохнул Филимонов и прикрыл собою ребёнка.

Он был тяжёлый, этот солдат, Антон заёрзал, пытаясь высвободиться.

— Лежи. Сейчас ещё рванёт!

Но взрывов больше не последовало. Прошло несколько томительных минут, и сразу, будто обвал в горах, загудело, закричало, двинулось. Толпа прорвала жидкую цепь охранения, и сами солдаты

и милиционеры хлынули к месту катастрофы.

Впереди всех бежал прораб Градов, но его оттерли, обогнали. Трудно сказать, чем бы это кончилось, многие покалечились бы на бетонных обломках с ржавыми крючьями арматуры. Но вдруг прогремел выстрел.

Начальник милиции держал над головой пистолет:

— Сто-о-ой!

Все остановились. Охрана опомнилась и потеснила людей назад. Вскоре порядок был восстановлен. Сапёры лихорадочно разбирали обвалившуюся штольню. Потом к ним присоединились рабочие. По указке Антона извлекли на свет Алёну и Ростика. Они так и стояли втроём, никому сейчас не нужные и, казалось, забытые.

Под грудой бетона остался в штольне старший лейтенант Январёв. Он не успел разрядить один фугас, последний. Но последнюю свою боевую работу Январёв выполнил до конца и — ювелирно.

Филимонова колотило, он не мог работать и всё повторял:

— Толкнул меня: «Назад!» А сам — туда. Видно — не успел. Не всё, видно, успел. Если бы все ахнули, мины бы те сдетонировали. Как пить дать. А он толкнул меня: «Назад!» А сам — туда.

Маму Антона не остановили ни солдаты, ни милиция. Она ничего не видела от страха и горя.

— Где он? Где?! Покажите мне его, хоть убитого! — страшным голосом причитала она. — Где? Где он?!

— Здесь я, мама, — деревянным голосом сказал за её спиной Антон. Он не плакал, не тряся, омертвел от пережитого.

— Антошенька! — Мать бросилась к сыну, прижала к себе, иступлённо обцеловала лицо, голову. Потом разрыдалась и отвесила такую затрещину, что Антон едва устоял на ногах. — Ирод окайный!

Отец, пробравшийся вслед за матерью, схватил её за руки:

— Будет тебе... Зина...

Затрещина вернула Антона к жизни. Воспользовавшись моментом, он улизнул и смешался с толпой. Благополучно выбравшись из людской толчеи, хотел уже припустить подальше, но почти натолкнулся на Светлану Васильевну.

Она сидела на камне, по-сиротски обхватив руками плечи, одинокая, потерянная. И такая она была сейчас несчастная, беззащитная, что Антон вспомнил своё обещание повиниться за все неприятности, которые причинил ей.

— Светлана Васильевна, — хрипло сказал Антон. — Извините...

— Да, да-да, — механическим голосом отозвалась разнесчастная Светлана Васильевна, глядя как бы сквозь Антона.

Неизвестно откуда появился старший лейтенант Осипов. На Антона и внимания не обратил, робко положил руку на плечо Светланы Васильевны:

— Штольню сдавило.

— Совсем?!

Осипов протяжно вздохнул, выпятив губу, усы оттопорчились и запрыгали ёжиком.

— Работа не прекращается, — сказал он в утешение. И ушёл. Так и не взглянув на Антона.

Солдаты, милиционеры, местные жители работали с ожесточением. Подогнали бульдозеры и автокран, но им пока делать было нечего. И Антону тут нечего было делать. Зачем он только остался на свете! Он покосился на людей, толпившихся за линией оцепления, и подумал вдруг, что, сдетонируй подземный склад, многие из них пострадали бы. И все стёкла в округе повывлетели...

Выходит, не зазря они всё-таки рисковали!

А Январёв? Он не геройствовал, выполнил служебный долг и — погиб героем. В мирное время!

Антон же с друзьями... Где они? Антон спохватился, что бросил своих верных товарищей на произвол судьбы и родителей, потерявших от страха и переживания всякое самообладание. Материнской трёпки испугался! Она же не со злости, мама...

Ни Ростика, ни Алёны уже не было. Увели. Раззвонили-раструбили телефоны новость по всему городу, от очистной до ГРЭС и завода. Куда-то и мать исчезла. Отец участвовал в работе, а мать исчезла. Антон даже наслаждение испытал бы сейчас от её затрещин. И пусть бы все видели, пусть! Пусть!..

— Ух ты, ракетница! — услышал вдруг Антон над самой головой.

Перед ним, будто тоже из-под земли вылез, стоял Барбос.

— Где взял? — И он потянулся к сигнальному пистолету. (Антон и забыл о нём). — Дай-ка поглядеть.

Антон мгновенно выхватил пистолет и нацелился на Барбоса:

— Уйди!

И столько было отчаянной решимости в его голосе, что Барбос сразу отступил, как Антон перед ним когда-то.

— Чего ты? Пошутить нельзя...

— Нельзя, — отрезал Антон и, спрятав пистолет за пазуху, побежал к Волхову.

— Всё равно отберут! — крикнул вслед Барбос. — Ладненко, Осипову доложим! — А кончил совсем по-взрослому: — С оружием не шутят. Не игрушки!

Спустившись на береговой песок, Антон несколько минут раздумывал, потом направился к мосту, но вскоре изменил своё намерение и, стараясь быть незамеченным, юркнул в подъезд двенадцатиэтажного дома. Его уже заселили, зайти в лифт не составляло никакого риска. Антон благополучно проник на чердак. Здесь его никто не видел, он же видел через бойницы всё.

В работу включились бульдозеры, мощными стальными щитами сдвигали в стороны обломки плит и колонн. Но зубастый ковш универсального трактора «Беларусь» ничего не мог поделать с бетонным крошевом завала. Сдавленную взрывом штольню раскапывали вручную, ломami и кирками.

«Если он и живой остался, то всё равно задохнётся», — подумал Антон, и ещё большее стало за Январёва. Такой человек погиб! «Минёр ошибается только один раз». Январёв не ошибся. Ну почему так не везёт в жизни? Стараешься, хочешь сделать хорошее, доброе, а всё оборачивается себе и другим во вред. Сколько от него Марь-Петровна натерпелась... А Светлана Васильевна?.. Она с Январёвым пожениться собиралась и теперь — вроде солдатская вдова.

Лучше умереть, чем встречаться с ней! Никогда она не простит ему своего Январёва. А он простит себе? Лучше сейчас умереть!

(Окончание следует)

Сергей КАШИРИН

П А Р А Ш Ю Т И С Т

*Тёк по небосводу
Самолётный гул.
Словно с вышки в воду,
Парень в люк шагнул.
С плоскости отвесно
Рухнул кирпичом.
Неужели бездна
Парню нипочём?
С рёвом закрутила
Спутная струя...
Ты куда, бескрылый? —
Далека земля.
Видишь, как бросает
На семи ветрах!..
Только он не знает,
Что такое страх.*

*Шевельнул руками
В синей высоте,
Будто плавниками
В ласковой воде.
Что ему бояться! —
Знает в деле толк:
Заскользил из ранца
Параютный шёлк.
Гордая минута
Ясного денька:
Купол парашюта —
Крылья паренька.
Только приземлится —
Снова в самолёт.
Парня, словно птицу,
Высота зовёт.*

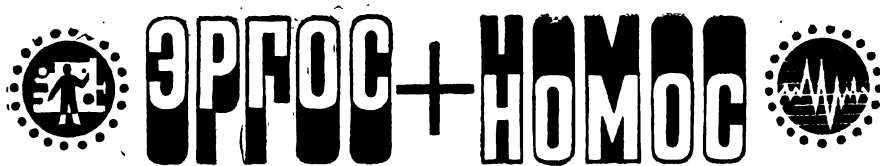
Встреча с «Авророй»

Час нашей первой встречи сберегу —
 В душе моей он будет жить годами...
 Стою на славном невском берегу.
 Молчит Нева, окованная льдами,—
 Подлёдное дыхание воды
 Ознобко грезит синевой простора...
 Морозом белым впаяна во льды
 Задумчивая гордая «Аврора»—
 Так вот он, грозный легендарный лик,
 Над зимнею Невою серебристой!
 ...«Аврора». Ты припомни в этот миг
 Осенний день с улыбкой

желтолистой,—
 Ты о Свободе ярко весть зажгла,
 Чтоб факелом
 Её пылала сила!
 И эта весть, прекрасна и светла,
 Светильник богатеев погасила.
 И у Свободы, словно у огня,
 Россия грелась долго, бесконечно...
 «Аврора»,
 Ты — не попросту броня,
 Не просто — крейсер
 На стоянке вечной:
 А просто —
 Незакатная звезда,
 А просто — символ чести,
 Самый чистый!
 Идут к тебе, взволнованно всегда,
 И мы, и иноземные туристы.
 Недаром облик твой незаменим,
 Живёт в нём притягательная сила:
 В семнадцатом
 Ты выстрелом одним
 Весь мир
 В борьбе за счастье
 Разбудила!

Перевёл с азербайджанского
 Сергей МАКАРОВ

ПРОИЗОШЛО НОЧЬЮ

Поздним июньским вечером по автотрассе Москва—Симферополь мчался мотоциклист.

Тёмная лента асфальта то плавно скатывалась с холма, то снова шла на подъём. Встречные машины попадались всё реже и реже. Ещё издалека они предупреждали о себе блуждающим среди холмов светом фар. Ничто не мешало выжимать из мотора предельную скорость. Всё окружавшее дорогу сливалось в сплошное тёмное пятно. Казалось, широкая ночная река несёт на своих покатых волнах лёгкий игрушечный мотоцикл. Откуда-то из темноты встречный поток воздуха приносил пряные запахи нагретой за день земли.

Проехав немалый путь, человек и машина привыкли друг к другу. И от этого седло стало как будто удобнее, а рулевое управление чутко отзывалось на малейший поворот руки. Ровный гул мотора успокаивал, монотонно повторяя: «Хорошо, хорошо, хорошо».

Когда раздался треск и на пути выросло что-то необъяснимо огромное, исход был предreshён: катастрофа!

Разбитый мотоцикл и тело водителя ещё ночью были осмотрены работниками автоинспекции. Асфальтоукладчик, ставший причиной аварии, почти не пострадал. Приехавшие на утро рабочие в один голос подтвердили слова бригадира, что освещение было в полном порядке.

Результаты медицинской экспертизы показали, что «смерть наступила от сильного удара головой в момент... сна».

ЧТО ЖЕ ПРОИЗОШЛО?

Вспомним свои ощущения после длительной лыжной прогулки, когда тело уже не испытывает никаких нагрузок. Мышцы рук и ног начинают «гудеть», они как бы продолжают лыжный бег. Это — моторная реакция организма, выработанная длительным повторением одних и тех же движений. Если же закрыть глаза, то воображение восстановит картину заснеженного поля, лесную просеку и убегающую бесконечную лыжню. Это воссоздаётся чувствительная, или, как говорят в науке, сенсорная, реакция организма.

Случай с мотоциклистом может быть представлен следующим образом. Однотонность окружающей обстановки длительное время не прерывалась никаким раздражителем. Гул мотора, постоянство встречного потока воздуха не бодрили, а притупляли сенсорные реакции. Наступило состояние сонливости, и освещение на ограждении асфальтоукладчика не вызвало нужной реакции. При этом моторность организма водителя была достаточно активной, чтобы выжимать предельную скорость.

Описанное состояние хорошо знакомо водителям дальних автомобильных рейсов. В таких поездках всегда рядом напарник. А как быть с мотоциклистом?

Представим себе, что в рулевом управлении мотоцикла появилась небольшая лампочка-мигалка, которая включается вместе с фарой. Такая лампочка начинает мигать через каждые пять—десять минут, и если её не переключить, то вслед за этим автоматически включается звуковой сигнал. Такое или подобное устройство-«раздражитель» можно разработать на основе научных рекомендаций ЭРГОНОМИКИ.

ЭРГОНОМИКА, ЧТО ЭТО?

Рассмотрим само название. Оно состоит из двух корневых частей, взятых из греческого языка. «ЭРГОС» по-гречески означает — работа, «НОМОС» — закон. Значит, эргономика — это система знаний о законах, связанных с трудовой деятельностью человека.

Системы знаний принято называть науками. Но прежде чем стать наукой, любая система должна пройти долгий путь «проб и ошибок». Постепенно накапливается опыт, преодолеваются ошибки, одинаковые результаты складываются в закономерности и теории, образуя науку. Эргономика находится где-то в середине этого пути, но уже признана наукой. Такое отношение к эргономике объясняется тем, что она разрабатывает эффективные условия труда, сохраняет умственную и физическую энергию человека.

СНОВА В ПОХОД

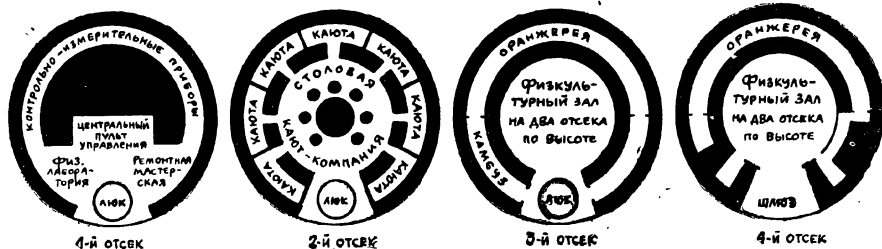
Собираясь в поход, опытный турист проверяет всё: как уложен рюкзак, хороша ли обувь, как упакована пища. Из многих «мелочей» складывается успех похода. А если это не поход? Если это полёт на другую планету? Тогда личного опыта недостаточно, а «мелочи» могут обернуться серьёзной неудачей. Тут уж нужна система наук, в которой эргономика играет значительную роль.

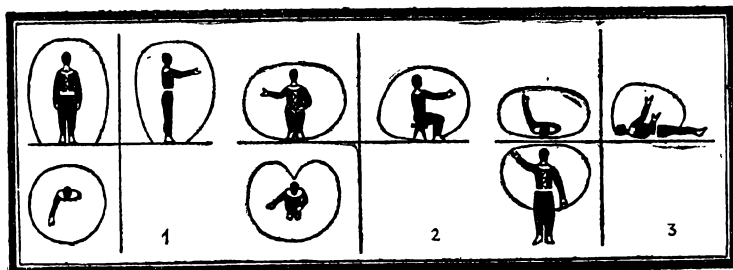
При создании межпланетных кораблей всегда приходится решать две взаимоисключающие задачи. С одной стороны, вес корабля должен быть как можно меньше, с другой — условия длительного полёта требуют дополнительных помещений для нормальной жизни всех членов экипажа.

На рисунке показаны этажи-отсеки американского космического корабля для полёта на Марс*. Все помещения расположены с учётом эргономики. Чем же руководствуются эргономисты при выборе размеров столовой или физкультурного зала? Где должны быть расположены оранжерея и склад скафандров? Коротко это выглядит так.

АНТРОПОМЕТРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ, иначе говоря — размеры человеческого тела, строго определяют границы «осваиваемого» космонавтом пространства. Рисунок показывает человека в трёх положениях: стоя, сидя и лёжа. Каждое положение изображено в трёх видах проекций: спереди, сбоку и сверху. Линиями очерчены максимальные границы зрительно-моторного поля в трёх измерениях. Эти границы изменяются в зависимости от вида деятельности космонавта. Так, про-

* Данные взяты из журнала «Техническая эстетика» № 2, 1974 г.

странство физкультурного зала должно быть больше, чем помещение личной каюты.

НАЗНАЧЕНИЕ ПОМЕЩЕНИЙ определяет их соседство друг с другом. Поэтому физическая лаборатория расположена рядом с пунктом управления, а склад скафандров вблизи выходного шлюза. При этом эргономисты следят, чтобы пути между помещениями не пересекались и были как можно короче. Иногда удаётся переход сократить совсем. Так, космонавт имеет возможность быстро переоборудовать свою каюту в спальню или рабочий кабинет.

ДВИГАТЕЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ в ограниченном объеме корабля имеет первостепенное значение. Бытовые и производственные действия космонавтов должны, с одной стороны, сопровождаться экономным расходом энергии мышц. В то же время для тренировки необходимы физические упражнения и даже игры, когда мышцы получают наибольшую свободу.

Большое внимание эргономика обращает на экономичность движений не только в условиях космических полётов. Земные заботы эргономики не менее важны, чем космические.

ИСПРАВЛЕННАЯ ОШИБКА

Никто не любит работать вхолостую. Беспольный труд, напрасно затраченные силы, пустая работа — страшные, обидные для человека дела. Но иногда он работает вхолостую не по своей вине.

...Разрабатывался автомат не новичками в станкостроении: соблюдались стандарты на материалы и инструмент, на минимальное количество деталей и узлов станка. Проектировщики старались сделать свой станок дешёвым и экономичным. Думали о будущем станка. И забыли... о человеке, о рабочем у этого станка.

Быстро уставали люди у новеньких автоматов. Уставали, но всегда старались выполнить норму, справиться с планом. Так и было бы по сей день, не попади станок в руки эргономистов. Автомат тщательно обмерили, будто хотели сшить ему выходной костюм. Не забыли ни одной рукоятки, каждую кнопку обмерили и записали. Особое внимание уделили тому месту, где была «рабочая зона» станка. А потом он попал на переделку, на модернизацию. Почему так случилось, поясняет рисунок.

Измерения показали, что рост рабочего для этого станка не должен превышать 140 сантиметров, причём за счёт укорачивания ног. Руки нужно удлинить сантиметров на 10—15. Только тогда станочник сможет работать без усталости.

Станок перенёс эргономическую «операцию»: основной рабочий уровень немного спустили вниз, панель управления подняли с «уровня ко-

лен» в более удобное место. Каждой рукоятке нашли нужное место, организовали, как говорят в эргономике, зону наибольшего оперативного комфорта. Теперь рабочему не приходится выполнять лишние движения, вся энергия мышц производительно передаётся станку.

Опытные рабочие говорят, что станок чувствует «хорошее отношение», и тогда общий труд человека и станка становится более слагенным.

ИССЛЕДУЕТСЯ РАБОЧИИ

Только что описанная история не повторится, потому что теперь в создании любых станков участвует эргономист. Его интересует активность мышц рабочего при самых различных движениях, а это можно определить с помощью биоэлектрических датчиков. Такие датчики применяются в наблюдениях над космонавтами, лётчиками-испытателями, спортсменами.

Испытания проводятся на специальном стенде, напоминающем игру «конструктор». С помощью металлических стержней собирается подвижное сочетание деталей будущего станка. Изменяя взаимное положение рабочих деталей, исследователи создают различные модели станка. Движения рабочего при испытании каждой модели записываются в так называемые миограммы. Сравнивая данные миограмм, можно установить наилучшую геометрическую форму модели станка с точки зрения затраты человеческой энергии.

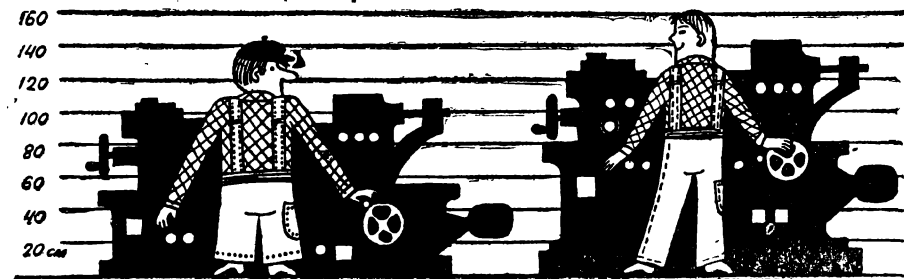
В новых моделях токарных и ткацких, расточных и фасовочных автоматов напряжение мышц рабочего для поддержания вынужденной рабочей позы будет минимальным. А значит, труд многих тысяч станочников станет легче.

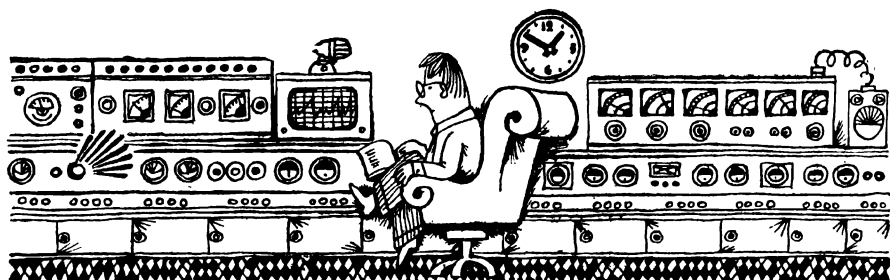
ТРИ ШАГА

Решая ту или иную проблему, люди руководствуются соображениями здравого смысла, опытом. Никто без шутки не станет обсуждать необходимость мягкого сидения на школьной парте, а вот вопросом создания операторского кресла заняты во многих научно-исследовательских организациях разных стран. Статьи в журналах, доклады на конференциях, жаркие споры у чертёжной доски посвящаются «проблеме кресла». Почему?

Автоматизированные системы управления позволяют ускорить производство, повышают качество и надёжность работы, но в то же время допущенная ошибка так же быстро «автоматизируется» и может в иных случаях окончиться аварией, катастрофой. Роль оператора или диспетчера в таких системах как раз сводится к принятию решений в аварийных ситуациях.

Пока автоматизированный процесс идёт без нарушений, оператор время от времени следит за стрелками приборов и вроде бы ничем не занят. В это время мягкое удобное кресло создаёт атмосферу покоя, и

тогда оператора подстерегает то состояние расслабленности и сонливости, которое может привести к трагическому исходу. Помните мотоциклиста на трассе Москва—Симферополь? В то же время никакие посторонние раздражители не должны отвлекать человека у диспетчерского пульта. Значит, кресло должно быть удобным и неудобным одновременно.

Где же золотая середина? — задумались эргономисты. А может, попробовать регулировать не только кресло, но и человека? Подумали, и вот что получилось.

При нормальной работе автоматизированной системы оператор находится в зоне оперативного покоя. Услышав аварийный сигнал, он оценивает содержание сигнала, обозначенного на панели информации. Первый шаг из зоны покоя уходит на то, чтобы сравнить состояние всей системы с местом аварии.

Второй шаг оператора совпадает с анализом той части системы, где произошло нарушение режима.

Третий шаг — принятие решения и выполнение операторских действий над органами управления.

Всего три шага от зоны покоя до принятия, иногда очень важного, решения. Именно этот путь помогает человеческому организму плавно перейти из состояния пассивности к активному вмешательству в управление системой.

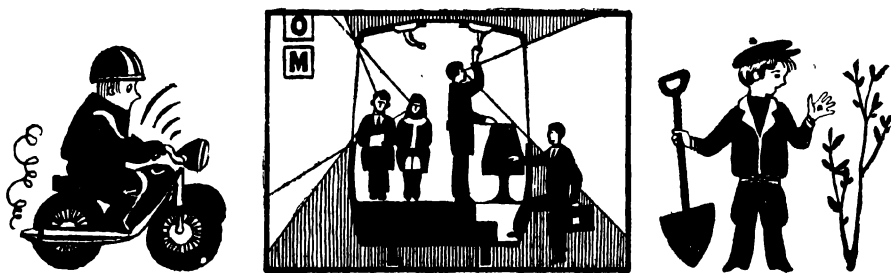
ТРАМВАЙ БУДУЩЕГО?

Не только рабочие места у пульта или станка интересуют эргономику. Ей небезразлична и внерабочая деятельность человека. Всем приятно войти в светлый и удобный трамвай или автобус. Сразу появляется хорошее настроение. Вот поэтому в проектных институтах рождаются более совершенные модели городского транспорта.

Возьмем для примера трамвай, созданный в одном из ленинградских институтов. В его салоне все сиденья будут расположены так, что никто не окажется спиной к окну. Если же приходится постоять, то поручни расположены с учётом любого роста. В этом трамвае высота первой ступеньки рассчитана на людей пожилого возраста. Мягкие сиденья, спокойный, ровный свет.

Не забыли проектировщики и о водителе. В условиях больших городов работа вагоновожатого посложнее, чем у оператора, например, прокатного стана. Пульт управления трамваем построен по рекомендациям эргономики, с учётом того времени, когда побегит новый трамвай по улицам с многорядно идущим транспортом.

Но пока будущий трамвай переходит с одного чертёжного стола на другой, давайте посмотрим на схему обзора. Сразу же видно, что пассажирам будет доступна вся красота ленинградских улиц. Из той же

схемы можно увидеть, что корпус трамвая обтекаемый. Придавая корпусу именно такую форму, эргономисты решают вопросы работы в трамвайном парке. С такого корпуса легче смывать с помощью механизмов пыль и грязь, привезённую с улиц города.

СОЮЗ НАУК

Но все заслуги и достижения эргономики были бы невозможны без дружеского участия других, более «опытных» наук. Эргономист всегда работает в группе специалистов по другим отраслям знаний. Одну такую группу возглавил доктор технических наук Геннадий Александрович Сергеев. Вот что он писал: «При управлении сложными системами в любой момент могут возникнуть критические ситуации, требующие от человека принятия единственно правильного решения». Как уберечь человека-оператора от ошибок, возникающих из-за усталости, нервного перенапряжения? Именно этим вопросом занялась группа Сергеева. В её составе были: радиоэлектроник, математик, радиоинженер, физик, доктор биологических наук.

В результате работы был создан прибор, улавливающий изменения в пространстве, непосредственно окружающем человека. С помощью прибора удалось установить, что в определённые моменты человек может излучать энергию **в несколько тысяч раз большую**, чем в спокойной обстановке. Это как раз и были моменты нервно-морального перенапряжения, когда человек может потерять чувство самоконтроля.

В будущем такие приборы, возможно, станут участниками особо ответственных работ. Определив «перенапряжение», прибор включит аварийный вызов дублёра-оператора и дополнительные контрольные системы. При работе сложных систем «человек—машина» такой анализатор состояния человека станет эргономическим контролёром.

ТЫСЯЧИ ВОПРОСОВ

Почему в классе стены одного цвета, а в коридоре другого? Почему парты разного роста? На «камчатке» большие, а к доске поменьше? Какой рюкзак удобнее в дальнем походе? Почему белый цвет «легче» чёрного? Отчего на кране «гор» красный цвет, а на «хол» — синий? Кто создавал костюм космонавта? Почему остаются мозоли после работы лопатой? Почему не поставят на мотоцикл индикатор энергетического потенциала водителя? Почему?

Тысячи вопросов, подсказанные практикой и человеческой изобретательностью, могут быть адресованы эргономике. На некоторые из них вы, ребята, можете ответить сами уже сейчас, на основе личного опыта. На другие будете искать ответ позже, когда станете взрослыми. А кто-нибудь из вас, возможно, посвятит себя изучению увлекательной науки — эргономики.

НА СМОТРЕ ЮНЫХ КУЛИНАРОВ

*В школьный зал на общий суд
дети кушанья несут.
У одной — в судке бульон,
у второй — в кастрюле клёцки,
а у третьего — бидон
с макаронами по-флотски.
На столах — супы, томаты,
над столами — ароматы.
Ох и ярко, ох и вкусно
кулинарное искусство!
Зал гудит, гремит посуда,
голоса звенят повсюду.
Дети смотрят на юри
хитрыми глазами.
Это — что ни говори —
всё-таки экзамен.
Нынче — домоводство,*

*завтра — производство.
Но... хлопочут большие мамы,
но... толкуют бойко мамы,
и глядят растроганно
мамы на беф-строганов.
Потому что —
по секрету —
антрекоты, винегреты,
пирожки, варения —
мамины творения.*

СТРОГАЯ ДЕЖУРНАЯ

*Бегут, шумят ребята.
Зовёт ребят звонок.
А вслед щенок мохнатый
бежит, не чуя ног.
Дверь школы — нараспашку.
Влетает в дверь дворняжка.
Но строгая дежурная,
спокойная, культурная,
из класса 3-й «Б»,
спросила: — Что тебе? —
Остановился пёсик
и вздёрнул чёрный носик.*

*Хвостом и взглядом пёсик
пустить к ребятам просит.
Но строгая дежурная,
спокойная, культурная,
друг кошек и собак,
ему сказала так:
— Ты парень симпатичный,
но ты меня прости.
Нельзя — категорично! —
тебе сюда пройти.
От грязи и микробов
мы охраняем класс.
А где, скажи, сейчас
твоя вторая обувь?*

ХОР И СОЛИСТЫ

*У юри ребячий хор
Заслужил оценку «хор».
Все хвалили этот хор.
Только с некоторых пор...
Так решил участник хора
пятиклассник Брюкин Жора:
«Несогласен
в общей массе
я свой голос надрывать.
Буду только
втихомолку
рот для виду раскрывать».
Так и сделал Жора Брюкин.
Но узнал об этом трюке
друг-приятель Петя Лужин
и хиткнул: «Чем я хуже?»*

*Разевает рот, как щука,
Петя Лужин и — ни звука.
Вслед за ними Лёня Лыжин:
«Что я, глупый? Что я,
рыжий?..»
Словом, с некоторых пор
вышел в двоечники хор.
Рис. Ю. Бочкарёва*

(Научно-фантастическая пьеса в трёх действиях)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Тот же рабочий зал звездолёта. В зал входят Евдокимов, Николай, Глеб.

ЕВДОКИМОВ. Итак, продолжим разговор. Пока мальчик занят в отсеке, мы должны всё решить... То, о чём сообщила машина, мы знали заранее. Или могли догадаться... Она не посоветовала нам возвращаться, потому что она так запрограммирована — полёт к «Сто одиннадцать — двести» должен быть обязательно, и всё, что мешает полёту, — враждебно. К сожалению, случай встречи с человеком в гиперпространстве не был учтён.

ГЛЕБ. Это считалось невероятным.

ЕВДОКИМОВ. Мы должны лететь, так?

НИКОЛАЙ. Ещё бы! Только я думаю...

ЕВДОКИМОВ. С другой стороны — мы должны решить, имеем ли право мы теперь лететь. Пусть каждый выскажет свои соображения.

НИКОЛАЙ. Да чего тут соображать! Чего тут соображать!.. (Не-

ожиданно для всех.) Вернуться! Надо нам, ребятки, возвращаться.

ЕВДОКИМОВ (после небольшой паузы). Ты сказал — вернуться?

НИКОЛАЙ. Да, вернуться.

ЕВДОКИМОВ. А я ожидал, что ты потребуешь лететь... во что бы то ни стало.

НИКОЛАЙ. Наоборот. Совсем наоборот.

ГЛЕБ. Как это — наоборот?

НИКОЛАЙ. Я понимаю, что мы обязательно должны лететь, хоть на разваливающемся корабле. Но это мы, а не мальчик. У нас на корабле ребёнок, неподготовленный к полёту. И раз уж так получилось, что мы его вытащили из этой скорлупки, рисковать им мы не имеем права. Ты, Фёдор, сказал о праве точно.

ЕВДОКИМОВ. Я имел в виду и другое... Ну что же, твоё мнение понятно... А ты, Глеб? Что думаешь ты?

ГЛЕБ. Я за продолжение полёта.

НИКОЛАЙ. Да как ты можешь!.. Ладно, разговаривайте.

ГЛЕБ. Но в случае продолжения полёта машина должна быть полностью отключена, командир. Иначе она будет выдавать заведомо неправильные решения.

Продолжение. Начало в «Искорке» № 10.

НИКОЛАЙ. Это само собой. Тут другого выхода нет. Или мальчишку за борт, или выключай машину. Только, что вы всё разговариваете — это же человеческая жизнь! Ведь машина твоя без чувств и мыслей, так ты говорил?

ГЛЕБ. Да, без чувств и мыслей.

НИКОЛАЙ. Ну и действуй. Раз, и готово, выключил.

ЕВДОКИМОВ. Не спеши, Николай. Глеб, а мы сумеем продолжать полёт без этой машины? Она делает за нас все расчёты, контролирует за нас все автоматические системы. Ты, Глеб, и мы с Николаем сможем заменить её своей головой, своими руками, если полетим дальше? Ведь любая поломка в двигателе...

НИКОЛАЙ. А. я о чём говорю? Любая поломка в двигателе — и мальчишке грозит гибель. Мы сами к этому готовы, на это шли, а он?

ГЛЕБ. Тут надо рассуждать иначе, выбирать, что важнее всего...

НИКОЛАЙ. Слушай, милый. Один парень как-то раз шёл вдоль озера. И вдруг увидел тонущих двух людей. Причём в первом он увидел, допустим, продавца, а во втором — ну, допустим, Эйнштейна. Как ты думаешь, кого он бросился спасать?

ГЛЕБ. Здесь не озеро, здесь надо хорошенько подумать, прежде чем принять решение.

НИКОЛАЙ. Вот-вот, подумать. Вы теперь все стали такими рационалистами — подумать, порассуждать. А парень бросился спасать того, кто первым попался под руку, не раздумывая.

ГЛЕБ. И таким образом человечество потеряло бы Эйнштейна.

НИКОЛАЙ. Но сохранило совесть. Внезапно появляется Миша.

МИША. Командир, задание выполнено.

ЕВДОКИМОВ. Задание? Какое задание? А-а, уже демонтировал?

МИША. Конечно, с закрытыми глазами.

Все в растерянности.

НИКОЛАЙ. Глеб, это твоя машина однажды вместо фразы «Крепок дух, хоть плоть слаба» перевела «Сильный запах, хоть мясо размякло»?

ГЛЕБ. Моя. Она тогда была ещё необученная.

НИКОЛАЙ (пытается смеяться). А я вам сейчас анекдот расскажу, братцы, ну и анекдот!

ЕВДОКИМОВ (Мише). Говоришь, с закрытыми глазами?

МИША. С закрытыми, всё наизусть.

НИКОЛАЙ. Не может быть! Никогда не поверю!

ЕВДОКИМОВ. А я верю. Ты что же, схему на память представляешь? Всю-всю?

МИША. Конечно. Я не только схему... Я...

ЕВДОКИМОВ. Значит, ты и собрать можешь с закрытыми глазами?

МИША. Не пробовал... Наверно, смогу.

ЕВДОКИМОВ. А ты попробуй, это интересно. Только честно, не жульничай. Иди, собери хотя бы свою часть работы.

МИША. А машина уже выдала ответ?

Все молчат.

МИША. Машина уже ответила?

ГЛЕБ. Пока нет. Скоро ответит.

НИКОЛАЙ. Ну что, испугался, не собрать с закрытыми-то глазами?

МИША. Соберу, засекайте время. (Уходит.)

Некоторое время все молчат.

ЕВДОКИМОВ. Подведём итоги. У нас три варианта. Все они не лишены разумности. Вариант первый, предложенный машиной. Мальчик высылаётся из корабля, мы продолжаем полёт. На корабле работают все системы, для нас риск минимальный, задание почти наверняка мы выполним.

НИКОЛАЙ. Это людоедство, вот что это!..

ЕВДОКИМОВ. Подожди, Николай. Вариант второй, который предложил ты. Мальчик остаётся в звезде, но мы возвращаемся на Землю, так как полёт с выключенной решающей машиной очень рискован.

НИКОЛАЙ. Я не за себя боюсь...

ЕВДОКИМОВ. Я знаю. Но ты забыл, зачем мы летим. Если бы это была обычная космическая разведка, мы бы, естественно, сразу повернули назад. Только от нашего сегодняшнего полёта, быть может, зависит и жизнь Земли и вся Солнечная система... Именно поэтому мне кажется более приемлемым третий вариант. Мальчик на борту, решающая машина выключена. Мы продолжаем полёт к «Сто одиннадцать—двести».

ГЛЕБ. Полёт без машины будет очень трудным.

ЕВДОКИМОВ. Не только трудным, но и опасным.

НИКОЛАЙ. А ты прав, Фёдор, надо лететь.

ЕВДОКИМОВ. Постой. Самое главное — это справимся ли мы сами, без машины?

ГЛЕБ. Справимся.

НИКОЛАЙ. Знаете, я сейчас подумал о нём и понял: нет, нельзя нам поворачивать. Никак нельзя. Ему ведь какой позор будет ото всех, если мы повернём. И главное — он-то в чём виноват? В том, что мы сами пристали к его ракете и наши роботы втащили его на звездолёт. Я уверен, услышал бы он наши разговоры, мы бы его уже не увидели, он бы в космос выбросился! А ведь из него большой звездоплаватель может выйти. Разве вы не заметили, он же талант! Да мы же его воспи-

таем, сделаем сыном корабля. Мы его так воспитаем!

ЕВДОКИМОВ. Риск у нас, конечно, серьёзный. И мальчик рискует тоже, вместе с нами. Он — человек, и если всем людям на Земле грозит опасность, то каждый человек должен отвечать за всех, и мальчик — тоже. Ты, Глеб, не передумал?

ГЛЕБ. Я согласен, командир.

ЕВДОКИМОВ. Раз решение приняли, надо действовать.... Глеб, если тебе тяжело, ты выйди. Всё-таки машина твоя, родная.

ГЛЕБ. Нет, я сам. *(Подходит к машине.)* Эх! Другого выхода нет. Прости меня, машина. *(Выключает её. Лампочки на пульте гаснут. Роботы у стены опадают на пол.)*

ЕВДОКИМОВ *(после небольшой паузы)*. Мальчик станет воспитанником нашего корабля. Мы должны его обучить всему, чему сумеем и что он поймёт. Сейчас будет дежурить Николай. *(Николаю.)* Ты обучишь мальчика основам космической навигации. Потом дежурство Глеба. Ты расскажешь материальную часть. В теорию слишком не лезь, это ему не по силам, но корабль он должен знать назубок.

ГЛЕБ. Он сообразительный.

НИКОЛАЙ. Что сказать ему о решении машины?

ЕВДОКИМОВ. О решении ни слова. Для него — машина отключена из-за серьёзной поломки. В своё дежурство я тоже кое-чему его поучу. Если возникнет что-то непредвиденное, просыпаемся все, и все вместе работаем. Без машины нам будет трудно... Наше решение сейчас же сообщим на главную орбитальную.

НИКОЛАЙ *(нажимает на большом пульте несколько кнопок)*. Связь установлена, командир.

ЕВДОКИМОВ *(подходит к большому пульту)*. «Омега» вызывает центральную орбитальную. «Омега» вызывает центральную орбитальную.

РАДИОГОЛОС. Центральная орбитальная слушает «Омегу».

ЕВДОКИМОВ *(негромко)*. Глеб, постой около двери, последи, чтобы не вошёл Миша.

Глеб встаёт у двери.
Говорит командир «Омеги» Евдокимов. На борту звездолёта находится мальчик Михаил Ракитин.

РАДИОГОЛОС (*недоверчиво*). Ракитин? Миша? Тот самый, который погиб?..

ЕВДОКИМОВ. Не погиб. Вытащили его из малой ракеты.

РАДИОГОЛОС. В гиперпространстве?! Разве это возможно?

ЕВДОКИМОВ. Оказывается, возможно.

РАДИОГОЛОС. Повезло... Ваше решение.

ЕВДОКИМОВ. Продолжаем полёт. Отключена решающая машина. Будем делать расчёты сами.

РАДИОГОЛОС. Ваше самочувствие? Остальная аппаратура?

ЕВДОКИМОВ. Самочувствие хорошее. Аппаратура работает нормально.

РАДИОГОЛОС. Спасибо, «Омега». Сейчас обрадую начальство.

ЕВДОКИМОВ. И вот что, сообщите там, чтобы в программу новых решающих внесли случай встречи с человеком в гиперпространстве.

РАДИОГОЛОС. Хорошо. Спасибо, «Омега». Счастливо вам.

Евдокимов отключает связь.

ГЛЕБ. Приближается Миша.

Входит Миша. Вид у него довольный.
НИКОЛАЙ. Сообщили о тебе домой. Отец готовит ремень.

МИША. Ремень?

НИКОЛАЙ. Ну да, ремень. Не знаешь, для чего раньше использовался ремень?

МИША. Не знаю... Робот собран, командир. (*Замечает сидящих роботов у стены.*)

НИКОЛАЙ. Вот дети пошли, не знают, для чего служит ремень. Было раньше такое наказание, лет шестьдесят назад, если ребёнок плохо себя вёл, не слушался, отец мог выпороть его ремнём.

МИША (*с ужасом и недоверием*). То есть причинить физическую боль? Насилие? Человек человеку?

НИКОЛАЙ. Причинял. Часто это помогало.

МИША. Об этом я даже в книжках не читал... (*Снова смотрит на сидящих у стены роботов.*) Почему они сели? Что-нибудь случилось?

Они не должны так сидеть при исправной решающей машине. (*Все смотрят на Евдокимова.*) Машина дала ответ?

ЕВДОКИМОВ. Машина оказалась неисправной. Мы её отключили.

МИША. Полностью?

ГЛЕБ. Полностью.

МИША. А как же мы полетим?

НИКОЛАЙ. Да вот так же.

ЕВДОКИМОВ. А теперь, Михаил, слушай наше решение. С этой минуты ты становишься членом команды, воспитанником корабля «Омега».

МИША. Значит, мы не возвращаемся?

НИКОЛАЙ. Ишь чего захотел!

МИША. Ура! (*Прыгает от радости.*) Мы летим на «Сто одиннадцать—двести»! Вперёд!

ЕВДОКИМОВ. Слушай внимательно, Михаил. На корабле мы будем учить тебя всему, чему сумеем. От тебя требуется полное послушание. Никаких диких выходок. Иногда нам будет трудно, и ты нам будешь помогать.

МИША. Я готов, командир!

ЕВДОКИМОВ. Итак, считай, что мы приступили к занятиям.

МИША. Слушаюсь, командир!

КАРТИНА ЧЕТВЁРТАЯ

Тот же рабочий зал корабля через несколько дней. Свет слегка притушен. У главного пульта сидит над расчётами Николай. За большим столом рассматривает схемы Миша.

НИКОЛАЙ. Ты меня можешь звать просто — дядя Коля.

МИША. Угу.

НИКОЛАЙ. Ты ведь нам как бы сын, а мы тебе — как бы отцы. Хотя Глебу-то твоим отцом быть рановато... Ну, он тебе, допустим, старший брат... Тебе там всё понятно?

МИША. Сейчас, разбираюсь.

НИКОЛАЙ. Работа у астронавигатора начинается, когда корабль выходит в пространство. Сейчас мы в гиперпространстве, знай себе рассчитывай варианты выхода, а больше пока делать нечего. Раньше даже и это делала машина... пока не сломалась.

МИША. А всё-таки честно, скажите, штурман, почему машина сло-

малась? Ведь процент надёжности у таких машин...

НИКОЛАЙ (*перебивает*). Что ей ещё делать, как не ломаться. Машины — они или врут, или ломаются. Я всегда говорю, что самая надёжная машина — это человек. Во (*стучит себя по голове*) и во — руки. Ну там двигатели, приборы навигации — это, конечно, вещь, а остальное — игрушки... Глеб тебе в прошлую смену о системе двигателей рассказывал?

МИША. Рассказывал... Но мы это и в школе прошли.

НИКОЛАЙ. Да. САВ — это великое изобретение. Синтезатор антивещества. Когда мне было лет столько, сколько тебе, на Земле многие возмущались — физики угрожали огромные деньги на создание первого синтезатора, а что толку? Из него, из антивещества, пирожки печь не будешь — руки оторвёт. Зато потом, когда на его принципе сделали антигравитационный двигатель! Когда, наконец, сумели войти в гиперпространство!..

МИША. Я знаю, мы это в школе проходили, по истории техники. А машина?..

НИКОЛАЙ (*перебивает его*). Вот-вот. А самое главное — это выход из гиперпространства в обычное. Это как подъём на поверхность для подводной лодки. Тут тебя подстерегают и космические тела, и гравитационные бури.

МИША. Разве для нас гравитационные бури тоже опасны?

НИКОЛАЙ. Теперь-то нам не страшны. Ну, отнесёт немного в сторону. А вот раньше сколько кораблей погибло! Людей сколько хороших! А нам сейчас даже искривление пространства не опасно. Первым об искривлении сказал серьёзно Эйнштейн.

МИША. Я знаю. Мы это тоже проходили.

НИКОЛАЙ. Ну вот. Космонавты могут лететь всё время прямо, это им так будет казаться, а прилетят они на то же самое место, откуда вылетели, только с обратной стороны, как древний Магеллан. Да, ги-

перпространство — штука великая, тут мы пересекаем линии кривизны насквозь. А вообще, наука наша так мчится вперёд, просто не успеть за нею. Возвращаешься из полёта, пока проходишь адаптацию, за голову хватаешься, сколько нового пооткрывали!

МИША. Дядя Коля, а у вас на Земле сын есть?

НИКОЛАЙ. Сын?.. Нет, сына у меня нет. И дочки тоже нет. Никого у меня в этом смысле нет. У моего брата есть дети, уже взрослые. Мой брат — биохимик. Мы с ним вместе были в первом полёте. Экспедиция на Венеру. А потом он вернулся на Землю. А я вот — залетал. Прилетаешь домой. Полгода в санатории проходишь адаптацию, организм привыкает к земным условиям. Год готовишься к новому полёту. Летишь полгода. Некогда оглянуться. Мне ещё легко — у меня впереди один-два, а может, и три полёта. А у нашего командира этот полёт последний. Когда-то, лет тридцать назад с лишком, были большие перегрузки. Сейчас легче, сейчас командир новую методику тренировок сочинил. Но только уже не для себя, а для таких вот, как Глеб. Если бы не его опыт, его бы даже к этому полёту не допустили... У него тоже на Земле никого, одни воспоминания... А что это ты сутулишься, дорогой наш воспитанник? Ну-ка, соедини лопатки. Вот так. Глеб с тобой гимнастикой занимается?

МИША. Занимается. Каждое дежурство.

НИКОЛАЙ. Мало, видимо, занимается. Вставай, вставай. *(Миша встаёт.)*

Ну-ка, давай. Прыгай, прыгай, прыгай, раз. Прыгай, прыгай, прыгай, два. *(Делает несколько упражнений на развитие координации движений.)* Теперь вот так. Раз-два-три. Раз-два-три. Следи за руками. Дыхание. Ещё раз. Ещё раз. И каждый день, каждый день сам делай гимнастику, чтоб тебе не напоминали. *(Останавливается.)* Сейчас ты пойдёшь отдыхать, так что я с тобой прощаюсь до следующего дежурства. Да, и вот что... Нашего командира

ты лучше о семье не расспрашивай. Меня расспрашивай, а его — не надо. Не надо его расстраивать зря. У него был сын... Не такой, как ты, а уже взрослый... Настоящий космонавт. Он пошёл с нами в рейс, это был его первый полёт. И мы его не уберегли...

МИША. Почему?

НИКОЛАЙ. Милый мой, об этом не спрашивают. Здесь делают всё, чтобы уберечь друг друга. А если не уберегли, значит, это несчастие, несчастье для всех... Ну ладно, иди, отдыхай.

МИША *(складывает схемы на большом столе)*. Счастливо дежурить. *(Уходит.)*

Некоторое время Николай сидит над расчётами один. Свет постепенно меркнет.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Свет становится ярче. Он освещает тот же рабочий зал. Но теперь у главного пульта сидит Глеб. Он делает записи в большом журнале. За столом — Миша.

Миша изучает очередную схему.

ГЛЕБ. Знаешь, ты меня лучше зови просто — Глеб. И на «ты». А то я к слову «дядя» никак не могу привыкнуть. «Дядя Глеб» — звучит как будто «тётя Маша».

МИША. Угу.

ГЛЕБ. Тихо как на корабле и пусто. Как будто один в пустом здании, а кругом ночь. Я вовсе не так представлял раньше космос.

МИША. А я — так. Я в кино видел.

ГЛЕБ. Ну, в кино я тоже видел. Только одно дело в кино, другое — здесь. На миллионы километров мы одни. Представил, и даже страшно стало. Рассчитывать только на свои силы, что бы ни случилось. Ну, как ты там, разбираешься?

МИША. Сейчас кончаю.

ГЛЕБ. А всё-таки мы с тобой счастливы! В таком большом полёте участвуем! *(Осматривает приборы на пульте.)* Всё в порядке. Минут через десять мы выйдем на связь. Последний сеанс. Хотя скоро, когда мы научимся делать квантовые усилители, связь будет поддерживаться с любой точкой гиперпространства...

МИША. Ну и медленно развивается наука, просто смешно! Ничего не знаем! Я спрашиваю дядю Колю: «Что такое гиперпространство?» А он говорит: «Не знаю». Как же по нему тогда лететь можно, если не знаешь? Ведь и вы не знаете?

ГЛЕБ. Пока не знаю.

МИША. А ещё я часто удивляюсь, почему люди ничего не делали раньше? Вот физикой, например, всерьёз занялись лет двести назад, да?

ГЛЕБ. Чуть пораньше.

МИША. Ну, всё равно, триста. А тысячи-то лет люди чем занимались?! Ведь столько могли бы уже пооткрывать! Болезней бы никаких не было — раз. В микромир давно залезли бы — два. А уж этого несчастного омега-излучения никто бы и не испугался. А так, о чём ни подумаешь, куда ни посмотришь, всё неизвестно. Всё ещё только исследуется. Даже вот это, во *(стучит по своей голове)* — никому не известно: что там происходит внутри, как происходит. Не-е. О чём люди раньше думали?! Почему не занимались наукой?

ГЛЕБ. Да у них раньше едва хватало сил себя прокормить. Всё воевали, без конца убивали друг друга.

МИША. Нет, меня бы к ним. Я бы их научил жить.

ГЛЕБ. Ты уж лучше сразу спукался бы во времена ящеров или, по крайней мере, к обезьянам. И учил бы их. Тогда бы мы выиграли не тысячу лет, а миллиона полтора, может, и больше.

МИША. Точно, я бы начал с одноклеточных, с разных амёб. Их бы дрессировал.

ГЛЕБ. Во-во. И сейчас в корабле летел бы не «человек разумный», а «динозавр разумный». Чем плохо? *(Смотрит на пульт.)* Что-то связи нет...

МИША. А почему вы мне в прошлый раз сказали...

ГЛЕБ. Ты сказал.

МИША. Я сказал?

ГЛЕБ. Нет, я говорю, чтоб ты звал меня на «ты».

МИША. А почему ты мне в прошлый раз сказал, что наука замедлила рост?

ГЛЕБ. Вон ты о чём... Я тебе говорил об усилителе интеллекта?

МИША. Нет.

ГЛЕБ. Такую я штуку придумал, Миша! Такую штуку! Она может увеличивать твои способности в тысячу, может в десять тысяч раз!

МИША. А зачем она мне? Разве я так — не способный?

ГЛЕБ. Способный, конечно, способный. Только наших способностей уже не хватает. И твоих, и моих, и сил человеческих. Потому что чем больше мы открываем, тем больше нам неизвестно. Так устроен мир. Одна микрочастица рождает десять неизвестных. Один открытый закон тащит десять непонятных. Ты говоришь, прошлые века. В прошлые века было как: сто человек пахали, и на них один барин. А на десять барinov — один учёный. А сейчас на сто человек девяносто занимаются наукой, и всё равно не хватает. Даже если из ста девяносто девять займутся — через несколько лет их не хватит.

МИША. Этого нам в школе не говорили...

ГЛЕБ. Скажут. Усилитель способностей нам вот так необходим. У меня в голове пока только его схема. На Землю вернёмся, начну делать опытный образец. Без усилителя способности прогресс на Земле остановится.

МИША. Я о ваших изобретениях читал. Вы в шестнадцать лет...

ГЛЕБ. О твоих.

МИША. О моих?

ГЛЕБ. Нет, это я о том, чтоб ты меня на «ты» называл.

МИША. А если без усилителя, своими мозгами?

ГЛЕБ. Своими уже никак. Так же, как физическая сила. Сначала дикарю своей силы хватало, потом пришлось придумать рычаг, потом колесо, а потом и паровую машину. Иначе мы все остановимся и вместо прогресса у нас начнётся регресс, медленное разложение.

МИША. А программа преобразования людей?

ГЛЕБ. Она лет на пятьсот рассчитана. Вот кому можно заводить — тем людям. Красивые, здоровые, добрые и умные!

МИША. А потом будет новая программа, и те люди будут новым заводом?

ГЛЕБ. Это обязательно *(Смотрит на приборы.)* Стоп! Что такое?

Его слова прерывает сирена. Сирена гудит не в полную силу, но достаточно громко. Звук сирены перемежается с долгими звонками. Мигает свет.

ГЛЕБ. Общая тревога! Непонятно, в чём дело? *(С отчаянием.)* Кажется, мы выходим в пространство.

Вбегает Николай.

НИКОЛАЙ. В чём дело, Глеб?

ГЛЕБ. Ещё не разобрался. Только что всё было в порядке.

Быстро входит Евдокимов. Пересекает рабочий зал. Останавливается у пульта управления.

ЕВДОКИМОВ. Спокойно. Мы вышли из гиперпространства.

Сирена и звонки не затихают.

НИКОЛАЙ *(Глебу)*. Да выключи ты это нытьё!

Глеб поворачивает выключатель на пульте. Становится тихо.

НИКОЛАЙ. В чём дело, инженер? Объясни хотя бы.

ГЛЕБ. Без решающей машины я факир, а не инженер. Причина может быть одна — отказал антигравитационный двигатель.

НИКОЛАЙ. Этого ещё не хватало!

ЕВДОКИМОВ. Сейчас посмотрим. *(Поворачивает несколько рукояток на пульте.)* Да, отключился блок защиты двигателя.

НИКОЛАЙ. А решающая машина почему не сработала? Она должна была подсоединить резервный блок... *(обрывает самого себя.)* Мы же её выключили... Ну да... Значит, всё это надо делать вручную... *(Подмигивает Мише.)* Ну, я пошёл.

Для налётов фашистские пираты выбирали разное время — то рано утром, когда ленинградцы спешили на фабрики и заводы, то в разгар дня, то в середине ночи, чтобы не дать уснуть и без того уставшим жителям города. И всегда, в любую минуту бойцы МПВО должны были быть наготове.

Гитлеровцы бомбили город в течение войны 173 раза. Подсчитано, что за годы войны разорвалось 4638 бомб. Но особенно много сбрасывали враги зажигательных бомб, или, как их называли, «зажигалок». Не по одной, а сразу многими десятками сыпались они на крыши. Около 103 тысяч «зажигалок» выпало на долю защитников города. И от каждой такой, по размерам маленькой, бомбы мог возникнуть большой пожар. С тушением «зажигалок» одни солдаты МПВО не могли справиться. Но они не были одни. Им помогали все ленинградцы — и старые, и молодые. Сотни школьников, храбрых и сметливых ребят, быстро наловчились справляться с «зажигалками». Эти юные защитники города дежурили на крышах и чердаках наших домов. Не страшен им был унылый вой фашистских самолётов, не боялись они и грохота рвавшихся бомб.

Самыми страшными были сброшенные гитлеровскими лётчиками бомбы замедленного действия. Очень тяжёлые, они пробивали несколько этажей, порой проникали до подвалов и... не взрывались.

В таких бомбах таился часовой механизм. Он тикал где-то внутри — час, два или даже несколько дней, иной раз 10, 20 минут, а то и меньше, и тогда бомба взрывалась. Такие бомбы нужно было немедленно обезвреживать. Этим смертельно опасным делом занимались команды подрывников. Никто из них не знал, через сколько времени разорвётся бомба с тикающим часовым механизмом. Быть может, подрывник ещё не успеет приблизиться к ней, как она поднимет на воздух многоэтажный дом, уничтожив вместе с ним и подрывника. Это были люди подлинно львиной отваги. Об одном из них я и расскажу вам.

Александр Ханукаев родился в Дагестане, в семье виноградаря. В годы войны он стал офицером МПВО. Ханукаев ни разу не ходил в атаку, не штурмовал доты, не пробирался глухими тропами в тыл врага. Но то, что он делал, было неизмеримо опаснее. Он был командиром подрывников. Смерть подстерегала их каждую секунду. Когда, уже после войны, я побывал у Ханукаева в гостях, он показал мне любопытную коллекцию. То были взрыватели, которые он извлёк из бомб замедленного действия. Каждый взрыватель напоминал о страшном времени, проведённом один на один с коварной бомбой.

Однажды такая неразорвавшаяся бомба застряла в первом этаже большого дома. Всех жильцов немедленно удалили. Ханукаев приступил к работе. В бомбе оказались два взрывателя: один с часовым механизмом, другой — ударный. Стоило слегка повернуть бомбу, и он взрывался. Ханукаев уже был знаком с разными хитростями вражеских бомб. Сперва он решил обезвредить именно второй взрыватель. Подрывник работает, а в это время часовой механизм продолжает тикать. Сколько он будет тикать — тайна. Представляете, какой железной волей надо обладать, чтобы рядом со смертью делать своё опаснейшее дело!.. Но вот Ханукаев обезвредил один взрыватель, затем с помощью сильного магнита остановил движение часового механизма. И только тут облегчённо вздохнул. Но работа ещё не закончена. Бомбу надо ещё увезти. И это далеко не так просто.

Случалось вам держать в руках остановившиеся часы? Отчего они остановились, вы не знаете. Часы заведены, а не идут... Вы пробуете их встряхнуть, смотрите на циферблат и видите, что они пошли. Вот так и с этой страшной бомбой. Магнит остановил часовой механизм, а на-

чнёшь выносить её, чтобы погрузить в машину, тряхнёшь, и часы снова пойдут. Чтобы этого не произошло, надо вывернуть цилиндр с часами. И тут Ханукаев неожиданно обнаруживает, что часовой механизм соединён проводами с противосъёмным устройством. Начнёшь выворачивать цилиндр, натянешь провода — и произойдёт взрыв.

Что же делать? Трудная, трудная задача... Раз нельзя вывинтить часовой механизм, тогда надо извлечь из стального тела бомбы её страшную начинку — взрывчатку. Это было сделано с величайшими предосторожностями уже не одним Ханукаевым, а вместе с другими бойцами команды подрывников.

Покуда продолжалась работа около бомбы, не только дом, куда она угодила, но и весь ближайший район был оцеплен. Но вот обезвреженную бомбу вынесли и уложили в кузов грузовика. Теперь она никому не угрожала. Перед тем как бойцы подняли её, Ханукаев вывинтил взрыватель с часовым механизмом. Он стал экспонатом необычайной

коллекции офицера-подрывника. И таких экспонатов к концу войны у него собралось более двухсот. Вдумайтесь в эту цифру! Ведь это значит, что он более двухсот раз смотрел смерти в глаза. Неудивительно, что когда война закончилась, поседели его иссиня-чёрные волосы кавказского горца.

Я рассказал об одном только Ханукаеве. Но их было много, таких людей, смело шедших на единоборство со смертью. Однажды к месту, где упала неразорвавшаяся бомба, прибыли двадцать подрывников во главе с командиром взвода А. Ф. Литвиновым. Комвзвода услышал тиканье часового механизма. Медлить было нельзя. Двадцать подрывников стояли в ожидании приказаний командира.

— Кто во имя Родины, с риском для жизни, добровольно согласен разрядить бомбу, два шага вперёд! — громко произнёс командир взвода.

Все двадцать бойцов сделали два шага вперёд. Вот какие это были люди! По праву старшинства бомбу обезвредил сам комвзвода Литвинов.

Девятьсот дней и ночей продолжалась осада Ленинграда. Из них в течение 617 дней и ночей враг стрелял по нашему городу. В самых разных местах — в домах, на фабриках и заводах, на улицах, трамвайных останковках — разорвалось 148 478 снарядов. Едва разрывался первый посланный фашистами снаряд, как сразу же из репродукторов раздавалось радиопредупреждение:

— Граждане, район подвергается артиллерийскому обстрелу. Движение по улицам прекратить, населению укрыться.

На радио находился метроном. Этот прибор в мирное время предназначался для музыкантов. Небольшой качающийся маятник, слегка пощёлкивая, отсчитывал темп, нужный для исполнения музыкальных произведений. Но в годы войны метроном получил другую специальность. Установленный у микрофона, он тикал круглые сутки. Если это тиканье, доносившееся из тысяч репродукторов, было медленным, размеренным, значит, в городе спокойно, нет ни воздушных тревог, ни радиопредупреждений об артиллерийском обстреле. Но если щёлканье метронома было быстрым, частым, значит, происходит либо налёт, либо дальнобойные орудия фашистов бьют по Ленинграду. За годы войны было передано 3091 радиопредупреждение, призывавшее ленинградцев быть бдительными и осторожными. Нелегко было солдатам МПВО, которые несли и огневую службу. Особенно тяжело было тогда, когда пожары одновременно возникали не в одном, а в нескольких местах, в разных районах города. И уж совсем тяжело было укрощать огонь в зимнее время, когда водопровод не работал, вода замерзала.

Как-то вспыхнул пожар в большом здании на набережной реки Мойки, где размещался военный госпиталь. Пламя охватило два нижних этажа. Всё заволокло едким дымом. Темнота, ничего не видно. Находившиеся внутри перебрались в верхние этажи. Выхода не было. Неужели люди обречены на гибель?

По-геройски работала команда пожарников, где политруком был офицер М. Кузьмин. Пожарную лестницу растянули до третьего этажа. Разбили окна. Кузьмин одним из первых прыгнул внутрь и бросился спасать прежде всего самых беспомощных, бойцов, которые самостоятельно не могли передвигаться. Взяв на спину такого бойца, Кузьмин осторожно спустился с ним на землю, где передал раненого медикам. И снова наверх за другими солдатами. На том пожаре политрук Кузьмин вынес на себе, поднимаясь и спускаясь по шаткой лестнице, двух раненых защитников нашего города.

Пожарникам приходилось сражаться не только с огнём. Из-за вышедшего из строя водопровода могли остановиться хлебозаводы. Хлеба без воды не испечёшь. А в городе — голод, единственная надежда — на крохотный паёк... И тогда пожарники со своими цистернами начали подвозить воду на заводы, не дав им остановиться. Цистерны с водой — кажется, всё так просто, а ведь от них зависела жизнь многих ленинградцев.

...Когда фашистов разгромили под Ленинградом, прекратились налёты и обстрелы, казалось бы, легче стало славным бойцам МПВО. Но мы глубоко ошибёмся, если так подумаем. Гитлеровцев разгромили, освободили пригороды Ленинграда, но земля здесь была подобна гигантским пороховым бочкам.

Пришла весна, и земля покрылась нежным зелёным покровом травы. Но весенняя краса была обманчива. В земле фашисты оставили сотни тысяч мин, снарядов, тяжёлые авиабомбы...

Ходить по этой прифронтовой земле было смертельно опасно. А ходить было надо. Надо было восстанавливать разрушенное войной, возродить поля, в течение четырёх лет не дававшие урожая.

Вот и вышли первыми в эти поля, на улицы освобождённых городов девушки-минёры. Метр за метром «прощупывали» они эту землю, начинённую взрывчаткой. Минёр ошибается всего один раз, и такая единственная ошибка чаще всего стоит ему жизни. Но девушки — солдаты МПВО выполнили работу, за которую их можно называть героями. Вот она эта работа: в Ленинграде и ближайших окрестностях прифронтовой полосы было снято и обезврежено 575 тысяч мин, 546 тысяч снарядов, более тысячи фугасных авиабомб.

Тридцать лет минуло с той поры, но и в наши дни вы иной раз читаете в газетах заметки под заголовками «Эхо войны». Это сообщения об обнаруженных неразорвавшихся снарядах или бомбах. Не так давно обнаружили такой тяжёлый снаряд в самом центре Ленинграда, почти рядом с Невским проспектом. И не в земле, не в подвале какого-либо дома... На набережной канала Грибоедова высится собор с цветными куполами. Кто бы мог подумать, что фашистский снаряд угодил в центральный купол, пробил его и застрял внутри на огромной высоте, так и не разорвавшись. Немалых трудов, а главным образом, смелости и находчивости потребовалось от подрывника лейтенанта Виктора Демидова.

На восьмидесятиметровую высоту поднимался он к куполу со снарядом почти целый час. От любой причины снаряд мог взорваться. Он мог, наконец, соскользнуть, полететь вниз, вызвав огромные разрушения. Демидов обезвредил его и спустил вниз, где снаряд погрузили на автомашину, вывезли за город и взорвали...

БЛИЗИТСЯ памятная дата — тридцатилетие победы советского народа в Великой Отечественной войне. Люди нашей страны и всё передовое человечество будут широко отмечать это знаменательное событие. Вы, ребята, не знали ужасов войны, — ни вражеских бомб и снарядов, ни опустошительных пожаров, ни чудовищного голода, который унёс в Ленинграде сотни тысяч жизней. Но вы должны знать, какой ценой досталась советскому народу его победа в одной из самых жестоких войн, которые когда-либо происходили на земле.

Рис. Ю. Михайлова

Денис ГОРДЕЕВ

СОЛДАТСКАЯ ШИНЕЛЬ

*Грежел салют, гремели марши.
Я помню, словно в дымке сна:
Домой вернулся брат мой старший,
Когда окончилась война.
Блестели ордена, медали —
Мой брат прошёл такую даль!
Его виски седыми стали,
Как нержавеющей сталь.
Он спас от смерти пол-Европы,
Прошёл свинцовую метель.
И помнит порох и окопы*

*Его походная шинель.
Вернулся брат, и всем отрадно,
И в доме видел каждый гость,
Как наша мама аккуратно
Шинель повесила на гвоздь.
Был мир пронизан птичьей трелью,
Весенней радостной порой...
Я тоже дорожу шинелью
С тех пор, как встал*

в солдатский строй.

Перевёл с чувашского С. МАКАРОВ

«Заложили Адмиралтейский дом...»

Осень 1704 года была суровой. Над Ладогой гудели свирепые штормы, рвали снасти на кораблях, тащили их в пучину. Шли в молодой город Санкт-Петербург новенькие корабли с верфей на реках Свири и Сяси, да не все дошли. Около пятидесяти из них поглотила Ладога.

Эх, кабы на Неве корабельные верфи стояли!..

В конце октября сам царь Пётр с князем своим любезным Меншиковым обошёл все бухты, заливы и протоки Невской дельты: искали место для верфи. Да не просто для верфи, мыслилось, чтобы стала она ещё и крепостью, чтобы вместе с другою — Петропавловской — закрыла вход в Неву для вражеских кораблей.

Не вдруг, но место такое выбрали. На левом берегу реки, наискосок от Петропавловской крепости.

5 ноября 1704 года (по старому стилю) состоялась закладка крепости. Царь Пётр в дневнике своём записал: «Заложили Адмиралтейский дом... Длина 200 сажен, ширина 100 сажен».

Глядеть за строительством поручено было генерал-губернатору Меншикову. Помощниками ему

определили обер-коменданта Брюкса да олонеккого коменданта Яковлева. Строителями крепостных крестьян нагнали.

Работа шла быстро. К концу лета 1705 года уже выросли несколько строений, объединённых в одно здание. Если на него сверху взглянуть, то выглядело оно вытянутой буквой «П», к Неве развёрнутой. Внутри буквы, во дворе, соорудили десять стапелей для постройки судов. В центре фасада воздвигли каменную башню с деревянным шпилем, обшитым железными листами. На самый верх шпиля поместили золочёный корабль-флюгер. Нет, не такой, как сейчас, но очень похожий. Верфь окружили пятью земляными бастиянами. Вырыли перед ними сухой ров, для прочности обложили его не дёрном, а фашинами.

Когда осенью 1705 года из-под Котлина пришёл в Санкт-Петербург на зимовку русский флот, матросов расселили в избах по бастиянам: у крепости появился гарнизон. С кораблей сняли сто пушек — установили на валу, окружавшем крепость.

Иначе было нельзя. Война со Швецией ещё не закончилась, и

строить корабли надо было, и воевать.

29 апреля 1705 года сошёл на воду первый корабль, вооружённый восемнадцатью пушками. За ним последовали и другие. Немало замечательных русских мастеров-корабелов создавали на Неве отечественный флот: Склаев, Щербачёв, Окунев, Батаков, Пальчиков. За двадцать лет построили 39 линейных кораблей, 19 фрегатов, 250 галер, множество мелких судов: и для флота, и для жителей города. Такого скоростного строительства флота не знала ещё ни одна страна мира! Да и по своим мореходным качествам русские корабли ничьим чужим не уступали. Есть тому свидетельство: в 1714 году при Гангуте, а в 1720-м при Гренгаме молодой русский Балтийский флот выиграл сражения над сильнейшим в Европе шведским флотом.

В 1721 году заключён был Ништадтский мирный договор. Крепостные бастионы и рвы вокруг Адмиралтейского дома стали не нужны. А вот корабли надо было строить ещё более крупные.

Как ни крути, а выходило, что и верфи Адмиралтейские надо было перестраивать. Работу эту поручили знатному архитектору Ивану Кузьмичу Коробову. В своё время был он командирован Петром I в Голландию и Бельгию. Изучал он там архитектуру и фортификацию. Вернувшись на родину, построил Коробов не мало и был назначен на пост Адмиралтейств-архитектора — должность почётную и ответственную.

Теперь же перед ним встала задача совсем сложная. Дело в том, что ещё в самом начале строительства первого Адмиралтейства от него было прорублено три дороги. Со временем они превратились в городские магистрали. Одна, протянувшаяся на юго-восток, стала впоследствии Невским проспектом. Вторая, направленная на юго-запад, превратилась в Вознесенский проспект (ныне проспект

Майорова). Третья, шедшая точно на юг, стала Гороховой улицей (нынешней улицей Дзержинского). Таким образом, ещё в петровские времена Адмиралтейство стало центром трёх лучей-магистралей, а сам Адмиралтейский остров к концу первой трети XVIII столетия стал центром города. Всё это требовало от Коробова исключительного художественного вкуса и такта, чего ему, к счастью, было не занимать.

В центре башни он устроил арочный проезд. Саму её завершил восьмигранным куполом с круглыми часами по четырём сторонам. А над куполом возвышался восемь суживающимися гранями, как тогда говорили, шпиль, увенчанный яблоком, короной и трёхмачтовым корабликом. На позолоту купола и шпиля был истрачен 5081 червонец общим весом 43,5 фунта. Для сравнения скажем, что в петровские времена крестьяне, работавшие на строительстве Адмиралтейства, за 18-часовой рабочий день получали всего 3 копейки, а фунт ржи на петербургских рынках стоил 1 копейку, овца — 35 копеек, теленок — 1,5 рубля.

Коробовская башня Адмиралтейства, отличавшаяся стройностью и изяществом, сразу стала украшением Петербурга. Осталась довольна работой архитектора и Адмиралтейств-коллегия, которая ходатайствовала: «...пожаловать полковничьим рангом, понеже тому награждению за прилежание его и труды он быть достоин». Но, как это часто случалось, Сенат не утвердил просьбу. Только спустя 10 лет выдающийся русский зодчий был произведён в полковники.

Прошло 100 лет. К началу XIX столетия в Петербурге было построено много замечательных зданий, дворцов, и прежде всего такой шедевр архитектуры, как расстреллиевский Зимний. Рядом с ним скромное коробовское Адмиралтейство просто потерялось, перестало играть роль центра города.

И вот в 1804 году, в ознаменование столетия со дня закладки Адмиралтейства, принимается решение о его новой перестройке.

К тому времени флот российский снискал себе славу непобедимого: Гангут и Гренгам, Корфу и Калиакрия, Керчь и Фидониси, Морья и Чесма — эти победы кораблей под бело-голубым андреевским флагом прославили его по всем морям и океанам. Победами этими восхищались, им удивлялись, их вынуждены были изучать. Да и было чему удивляться — не успела Россия (по мнению всех западных политиков, сугубо сухопутная держава) создать свой флот, как стал он одерживать победу за победой. И всякий раз малыми силами и малой кровью.

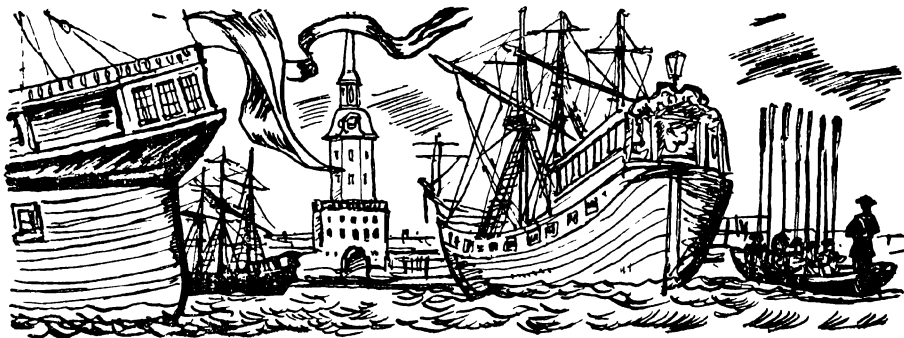
Вспомним хотя бы Чесменское сражение в июне 1770 года. Соотношение сил — не в пользу русского флота. И по количеству кораблей и по числу пушек. К тому же турецкий флот воевал возле своих берегов, в Чесменской бухте его прикрывали мощные береговые батареи. А русские моряки? Более полугода шли они вокруг Европы — впервые в истории русского флота. Страдали от штормов и шквалов, от нехватки питьевой воды и провизии, от болезней и травм... И ведь победили! Да ещё как! В Чесменской бухте погиб весь турецкий флот, погибло 10 тысяч моряков! Потери русских: 4 брандера (которым и отводилась

эта роль) и 11 моряков. Да, было чему удивляться, было что изучать!

Но не только боевыми подвигами был славен тогда флот российский. Как писал великий Михайло Ломоносов, «уже Колумбу вслед, уже за Магелланом, круг света ходим мы Великим океаном...» Действительно, русские моряки внесли огромный вклад в историю географических открытий, обогатили своими исследованиями русскую и мировую науку.

Всё это прекрасно знал Андриан Дмитриевич Захаров — гениальный русский зодчий, возглавивший работу по новой перестройке Адмиралтейства. Как истый русский патриот, он, работая над проектом, решил на доселе невиданное: языком архитектуры и скульптуры восславить в этом здании Россию — великую морскую и речную державу. И выполнил он это блестяще!

Трудами архитекторов и его ближайших сподвижников — выдающихся скульпторов Ф. Щедрина, В. Демут-Малиновского, С. Пименова, А. Анисимова, И. Теребенева Адмиралтейство превратилось в величайший памятник морской славы России. И всё это при том, что Адмиралтейская верфь не переставала существовать: с её стапелей продолжали сходить корабли, всё более мощные, всё более совершенные.

Законченное отделкой в 1822 году, «покоеобразное» здание Адмиралтейства протянулось от Зимнего дворца до Медного всадника. Таких зданий специального назначения мир ещё не знал! Ведь во внутренних его дворах строились боевые корабли — это продолжалось вплоть до 1844 года, — а во внешних помещениях размещались Адмиралтейств-коллегия и Адмиралтейский департамент «с его библиотекою, музеем и прочими к нему принадлежностями». Кроме того, здесь должны были разместиться производственные подразделения, о чём свидетельствует пятый пункт захаровского проекта: «Весь нижний этаж под всем зданием в средней части займут кладовыми, в нижнем же этаже корпуса к монументу (т. е. к Медному всаднику. — А. И.) подле павильона сделана большая кузница».

Совместить всё это было невероятно трудно. Но и на этом не кончались сложности, подстерегавшие зодчего. Венценосный правитель нет-нет да и вносил свои «коррективы» в генеральный проект. Захаров видел своё творение обрамлённым наружным каналом с гранитными берегами, с бастионами и пушками на них, играющими чисто декоративную роль. «Просвещенный» царь в 1811 году приказал: бастионы — снести, каналы — засыпать. А на их месте разбить бульвар. Бороться с царём

Андрею Захарову было не под силу. И он буквально сгорел на работе. 27 августа 1811 года замечательный русский зодчий 50 лет от роду, не завершив своё великое творение, скончался.

О последней же работе его одна из петербургских газет писала: «Адмиралтейство, перестроенное Захаровым, превратилось в прекрасное здание и составляет теперь украшение города». Да, действительно Андрей Дмитриевич Захаров создал новое — третье по счёту, но первое по значению — здание Адмиралтейства в духе лучших традиций классицизма. Именно в духе, а не в копии, ибо античным зодчим никогда не приходилось создавать зданий с таким протяжённым фасадом. Ни древние греки, ни римляне не могли дать Захарову подобного примера. Только русский простор мог породить это величайшее сооружение.

К проектам первых двух Адмиралтейств Захаров отнёсся с большой любовью и уважением. Могло ли быть иначе? Ведь первое Адмиралтейство, по преданию, создавалось по чертежу самого Петра I — с этим он не мог не считаться. Второе здание строил великий Коробов. Нужно было обладать исключительным тактом, чтобы приземистые корпуса здания не обогатить излишней отделкой и украшениями — ведь напротив стоял Зимний дворец с его витиеватыми

украшениями! Тут было над чем задуматься архитектору.

Захаров правильно понял время смены эпох: барокко с его завитками и вензелями сменял строгий русский классицизм. И зодчий пошёл именно по этому пути: он избрал чёткий ритм чередования отдельных частей здания, их безупречно чёткие пропорции. Именно в этом и заключается вся прелесть, всё величие, всё обаяние Адмиралтейства. Размеры его поистине грандиозны: на 407 метров протянулся его главный фасад, по 163 метра имеют боковые фасады, заканчивающиеся павильонами на берегу Невы; Центральный куб здания, увенчанный 72-метровым золочёным шпилем с парусным кораблем-флюгером наверху, украшен 22-метровым барельефом «Заведение флота в России», исполненным И. И. Тербеневым. В нём скульптор сумел передать в мифологических образах историю создания отечественного флота. В центре он поместил фигуру молодого Петра, которому бог морей Нептун вручает свой трезубец — символ власти над морской стихией. Рядом с Петром Россия в образе женщины с рогом изобилия и палицей в руках — символами богатства и могущества. Здесь же помещены бог навигации и торговли Меркурий, русские корабли под андреевским флагом, морские божества, трубящие славу России, которая в упор-

ных сражениях завоевала власть над морями. А под барельефом, над аркой ворот — ещё две аллегорические фигуры: крылатые гении Славы, скрестившие над русским гербом победные знамёна. Этой же идее — прославлению России, великой морской державы, — подчинено и содержание всей остальной скульптуры, украшающей Адмиралтейство.

270 лет Адмиралтейство принадлежит отечественному флоту. С 1705 по 1844 год здесь строились боевые корабли; с 1718 года в нём размещалась Адмиралтейств-коллегия и Адмиралтейский департамент, преобразованные в начале XIX столетия в морское министерство; с 1709 по 1939 год тут находился Центральный военно-морской музей. В разное время в Адмиралтействе размещались также и другие военно-морские учреждения. С одним из них — с Технической лабораторией морского ведомства — связана малоизвестная страница революционной борьбы большевиков в период первой русской революции.

После III съезда партии при Центральном Комитете была создана боевая техническая группа, во главе которой по предложению В. И. Ленина был поставлен Леонид Борисович Красин. В ту пору он работал в «Электрическом обществе 1886 года», заведующим кабельной сетью Петербурга. Высокий инженерный пост служил отлич-

ным прикрытием его активной подпольной деятельности. Из его служебного кабинета, находившегося на улице Гоголя, тянулись нити во все районы столицы, в том числе и в Адмиралтейство, в Техническую лабораторию, где под самым носом царских адмиралов трудились неуловимые «Альфа» (Л. Пескова) и «Омега» (М. Скосаревский) — химики, создавшие по заданию Красина сильноедействующее и безопасное при хранении взрывчатое вещество, безопасный запал и негромоздкую, но мощную бомбу, годную для уличных боёв. Следует сказать, что один из запалов, созданный при непосредственном участии Л. Б. Красина, экспертизой Главного артиллерийского управления был признан лучшим в мире.

—Шторм Октября 1917 года не прошёл мимо Адмиралтейства. В 12 часов дня 25 октября отряд балтийских моряков под командованием Ивана Сладкова занял историческое здание. На следующий день был создан Военно-морской революционный комитет, который разместился в Адмиралтействе. Вскоре его сменила Верховная морская коллегия, тоже разместившаяся здесь же.

В сентябре 1925 года в Адмиралтейство было переведено Высшее военно-морское инженерное училище имени Ф. Э. Дзержинского, ведущее своё начало от училища корабельной архитектуры, основанного в 1798 году. Среди первых выпускников его был И. Осминин — автор проекта и строитель легендарного брига «Меркурий». 297 пробоин получил этот бриг в бою с двумя турецкими кораблями, но не только остался на плаву, а и выиграл жестокий бой. И это при десятикратном превосходстве турок в пушках! Другой выпускник училища — И. А. Амосов — спроектировал первый в мире винтовой фрегат «Архимед», И. Г. Бубнов создал первую русскую подводную лодку «Дельфин».

Инженером-механиком на прославленном миноносце «Стерегущий» служил В. С. Анастасов. Участник Цусимского морского сражения, инженер-механик броненосца «Орёл» В. П. Костенко в советское время стал доктором технических наук и преподавал в этих исторических стенах.

Немало замечательных подвигов во славу нашей Родины совершили воспитанники училища имени Дзержинского в суровые годы Великой Отечественной и в послевоенные годы! Это они защищали Ленинград и Балтику, воевали за Полярным кругом. Это они плавают сейчас на всех морях и океанах, охраняя мирный труд советских людей!

Тесно связано Адмиралтейство и с зарождением советской ракетно-космической техники. В 1928—1934 годах в нескольких комнатах второго этажа (направо от арки) размещалось конструкторское бюро жидкостно-реактивных двигателей. В нём работали замечательные энтузиасты своего дела: И. И. Кулагин, Е. Н. Кузьмин, Е. С. Петров, Н. Г. Чернышов и многие другие. Их самоотверженным трудом были созданы первые советские жидкостно-реактивные двигатели, которые ещё в 1933 году успешно прошли официальные стендовые испытания. Теперь об этой славной странице нашей истории напоминает мемориальная доска, укрепленная на фасаде здания.

В суровые дни Великой Отечественной войны, когда гитлеровцы подошли к стенам Ленинграда, Адмиралтейский шпиль, как воин, надел маскировочный халат из мешковины, сшитый здесь же, в швальне училища имени Дзержинского. Спить его было трудно, а уж поднять и закрепить было и того сложнее. Как это сделать? Строить леса и долго, и сложно. Остался один выход — пригласить альпинистов. Их к тому времени в городе осталось совсем мало. Ба-

ли среди них две женщины: Ольга Фирсова и Алла Пригожева. Нужно ли говорить, что работа эта была невероятно трудной даже для мужчин. А каково было женщинам? Это только с земли кажется, что шпиль стоит неподвижно. На высоте 72 метров он качается, а подниматься на него — всё равно что преодолевать скальный маршрут высшей категории трудности. И, несмотря на все эти трудности, маскировочный чехол был поднят на шпиль.

Первые снаряды упали на Адмиралтейство в декабре 1941-го. Тогда же на его крышу попало несколько зажигательных бомб. К счастью, пожаров не возникло. А всего за годы войны на Адмиралтейство гитлеровцы сбросили

18 крупных фугасных бомб и послали 58 крупнокалиберных артиллерийских снарядов.

Сразу после окончания войны все разрушения, причинённые историческому зданию, были ликвидированы. В конце апреля 1945 года Ольга Афанасьевна Фирсова, и поныне живущая в нашем городе, вместе со своими товарищами-альпинистами сняла маскировочный чехол, и вновь стала «светла Адмиралтейская игла»...

Летят годы, складывающиеся в века. Но всё так же, распустив паруса, гордо плывёт над нашим городом золочёный кораблик — символ морского могущества и неувядаемой славы нашей прекрасной Родины — великой морской и речной державы.

И ПОРТРЕТ, И ПОЭМА

(К 3-й странице обложки)

СРЕДИ МНОГИХ профессий есть одна очень необходимая — наборщик. Вы сейчас читаете «Искорку» и должны знать, что над каждой строкой журнала работал наборщик. Без его труда не выйдет ни одна газета, ни одна книга.

Труд наборщика не прост. Это творческий труд. Настоящее высокое мастерство.

Для того чтобы убедиться в этом, посмотрите на третью страницу обложки. На ней — портрет В. В. Маяковского. Но он не нарисован, он набран. Его создал наборщик из букв разных шрифтов. И не просто подобрал буквы соответствующего размера, а набрал ими поэму В. В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин». Одновременно набрал поэму и создал портрет её автора.

Л. ШКАВРО

В зоопарке

*Сенька, справившись едва,
прутик выломал из ветки
и дразнил
в железной клетке
зоопарковского льва.
Царь зверей привстал
и первым,
еле сдерживая пыл,
чтобы зря не тратить
нервы,
в глубь жилища
отступил.*

В. СУСЛОВ

Мальчишки и мартышки

*Трое мальчишек
Пришли посмотреть
мартышек.
Увидели их, и что же?
Стали им корчить рожи.
Рожа рожи страшнее!
Рожа рожи смешнее!
Мальчишки надули щёки,
Как будто за каждой —
груши.
Носы оказались сбоку.
Наискось стали уши.
Мальчишки визжат, рычат,*

Лев ПРОТОПОПОВ

Белый медведь

*Он ходит-бродит взад-вперёд,
мотая головою.
В его глазах мерцает лёд
и море голубое.
Ему бы в Арктике лежать —
в снегах на вольной воле...
Эх, лапу бы ему пожать —
Мохнатую, до боли!
А тут кругом толпа! И пыль.*

Рисунки А. Курушина

*Помрачнел он как-то
слишком,
может, думал в стороне:
неужель в одном
мальчишке
больше злости,
чем во мне?*

*Ногами — в шесть ног! —
стучат.
Машут в шесть рук
руками:
— Мартышки, давайте
с нами! —
Смотрят на них мартышки,
По-обезьяньи бормочут:
— Ах, какие мальчишки!
Глупые очень...*

*И зной, и прутья клетки!
Ему бы глыбы ледяной,
ему бы стаи сельдяной.
А мы ему — конфетки...*

В РЕДАКЦИЮ приходит много писем с просьбой рассказать о жизни индейцев Соединённых Штатов Америки, о войнах, которые они вели против белых, захватывающих их земли.

Нам представилась замечательная возможность дать слово вождю апачей Гойатлаю, больше известному под испанским именем Херонимо.

Гойатлай возглавил своё племя во время последней войны с американцами в 1883 году.

Апачи жили в южной части Соединённых Штатов, на границе с Мексикой. Они возделывали землю и сеяли кукурузу и табак на небольших полях в горных долинах.

В 1872 году президент Соединённых Штатов издал приказ: «Всех апачей — в резервацию». Индейцы не хотели уходить из своих селений в горах и не подчинились приказу. Тогда президент направил в горы военные отряды. Началась война, которая с небольшими перерывами продолжалась двенадцать лет.

Мужественно защищали апачи земли своих отцов и дедов. Воины Гойатлая совершали дерзкие рейды по юго-западу Соединённых Штатов. Постепенно они очистили от американских солдат обширную часть штата Техас. В то же время они воевали против мексиканцев, которые действовали совместно с американцами.

В 1883 году американский генерал Крук подошёл к горам Сьерра-Мадре — последнему оплоту апачей. У Крука было более пяти тысяч солдат регулярной армии, несколько мексиканских полков и артиллерия. Апачей насчитывалось всего около ста пятидесяти. Начался страшный последний бой. И что же! Вооружённые до зубов американцы потеряли свыше тысячи солдат. Гойатлай похоронил девятерых своих воинов.

Однако в конце концов силы апачей истощились, и они сдались Круку. Их отправили в резервацию — в пустыню Сан-Карлос, а Гойатлая поселили в военном форту Силл в штате Оклахома с несколькими воинами. Здесь отважный вождь и окончил свои дни. Было ему тогда семьдесят семь лет.

В форту Силл Гойатлай подружился со школьным инспектором Барретом и рассказал ему однажды свою историю. Баррет записал её. Таким образом, рассказ старого вождя услышали многие люди. Сначала он был издан отдельной книжкой в США. В 1974 году его перевели в Польшу. И вот теперь мы имеем возможность познакомиться с Гойатлаем вас, ребята.

В напечатанных ниже отрывках вождь рассказывает о двух своих побегах из резервации, о стычках с американскими войсками, о капитуляции, условия которой белые так и не выполнили, и о своей жизни в плену.

Н. ВНУКОВ

В ТЮРЬМЕ И НА ВОЕННОЙ ТРОПЕ

Летом 1881 года прошёл слух, что офицеры намереваются снова заключить в тюрьму наших вождей. И тогда вспомнили мы все причинённые нам обиды — резню в вигваме на перевале Апачей, судьбу Мангаса-Колорадо (вождя, преда-

тельски убитого американцами.— Н. В.) и моё собственное несправедливое заключение в тюрьму. Именно в это время нам сообщили, что офицеры хотят с нами встретиться на совете и для этого мы должны отправиться вверх по реке в форт Томас.

Мы не считали, что из этой встречи может выйти что-то хорошее. Вот почему мы сами создали свой совет и, боясь измены, решили покинуть резервацию: лучше

* Резервация — специально отведённая правительством США земля, обычно плохая, малоплодородная, для поселения индейцев. Бывшие индейские земли отдавались белым поселенцам.

уж по-мужски погибнуть на военной тропе, чем дать себя убить в тюрьме. Нас было около двухсот пятидесяти, в большинстве своём апачей бедонкое и ненди, под начальством моим и Уоуе. Мы прошли через перевал Апачей, и тут же на его западной стороне у нас произошла схватка с кавалерией Соединённых Штатов. Мы убили трёх солдат, а сами не потеряли ни одного человека.

Мы направились в сторону Старой Мексики, но на следующий день американская армия догнала нас после полудня, и битва продолжалась до самых сумерек. Местность, на которой нас атаковали, была очень дикой, что было нам на руку, так как американские кавалеристы вынуждены были сойти с коней и сражаться пешими. Не знаю, сколько мы убили солдат, но сами потеряли только одного воина и трёх детей. У нас тогда было достаточно оружия и патронов. Часть мы накопили сами в резервации, остальное получили от апачей с Белых Гор.

Дальше армия нас не преследовала, поэтому мы отправились на юг до Каса Гранде и разбили лагерь в горах Сьерра-де-Сахуарпия. Мы кочевали в горах Старой Мексики год с лишним, после чего вернулись в резервацию Сан-Карлос со стадом скота и лошадей.

Вскоре после нашего прибытия в Сан-Карлос бригадир Крук приказал отобрать у нас скот и лошадей. Я объяснил ему, что этот скот принадлежит не белым, а нам, так как мы его отбили у мексиканцев. Я сказал также, что мы не собираемся скот резать, а хотим разводить его на нашей земле. Но бригадир всё-таки конфисковал скот. Когда же я подошёл к форту Апач, он велел своим солдатам арестовать меня, а в случае, если бы я сопротивлялся, они должны были убить меня. Эти известия принесли мне индейцы.

Узнав об этом, я решил искать спасения в Старой Мексике, и

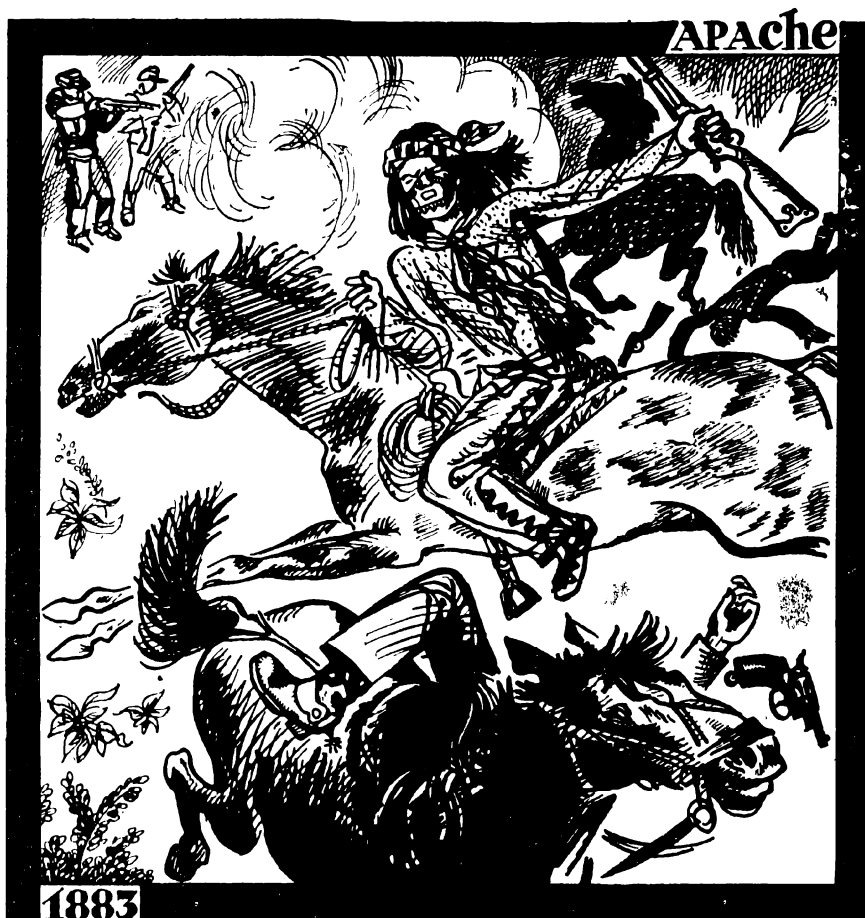
вместе со мной резервацию покинуло около четырёхсот наших. Это были апачи бедонкое чоконен и ненди. Уоуе в это время был уже мёртв, и единственным вождём, кроме меня, был Нейш.

Мы дошли до Соморы и скрылись в горах. Здесь нас атаковали индейские разведчики, служащие правительству Штатов, убили одного мальчика и взяли в плен почти всех наших женщин и детей.

После битвы мы перенесли лагерь на юг от Каса Гранде, но здесь несколько дней спустя нас атаковала мексиканская армия. Схватки с мексиканцами продолжались весь день. Мы убили несколько солдат, сами же потерь не имели. Ночью перебрались на восток, в предгорья Сьерра-Мадре. Но мексиканская кавалерия настигла нас и здесь. На этот раз у них были большие силы, поэтому мы избежали генерального сражения. Безумно драться, если нет шансов на победу.

Ночью собрались на военный совет. Наши разведчики говорили, что видели мексиканскую и американскую кавалерию в разных местах гор. Мы считали, что в общей сложности в горах нас ищет около двух тысяч солдат. Во главе американской кавалерии был сам бригадир Крук, который разбил свой лагерь в горах Сьерра-де-Антунез. Разведчики сообщили, что бригадир хочет со мной встретиться. Я поехал в его лагерь.

Когда я туда прибыл, Крук спросил: «Зачем ты ушёл из резервации?» Я ответил: «Ты сказал мне, что я могу жить в резервации как белый человек. Целый год я выращивал кукурузу, которую собрал в запас на зиму. На второй год я посеял овёс, а когда он почти созрел, ты приказал своим солдатам посадить меня в тюрьму, а если бы я сопротивлялся, убить меня. Если бы меня оставили в покое, я жил бы сейчас в достатке. А вместо этого

твои люди и мексиканцы преследуют меня в горах». Крук сказал, что никогда не отдавал такого приказа. Это, мол, солдаты из форта Апач распустили слух, а ты поверил. И тогда я согласился вернуться в Сан-Карлос.

Трудно мне было поверить тогда в слова бригадира. Сегодня я точно знаю, что он говорил неправду.

ПОСЛЕДНЕЕ СРАЖЕНИЕ

Мы двинулись всем племенем обратно в Соединённые Штаты, но вскоре, опасаясь измены, я раздумал возвращаться и решил остаться в Мексике. Нас тогда не держали под стражей. Солдаты шли впереди, а индейцы за ними,

так что, когда у нас возникли подозрения, мы просто вернулись. Меня не интересует, что подумали американцы, когда заметили, что нет ни меня, ни моих воинов. Я достаточно натерпелся от бригадира Крука. Думаю, что смерть была бригадиру послана богом как кара за все бесчестные поступки, которые он совершил.

Вскоре командующим всех западных постов был назначен бригадир Майлз, и армия без конца преследовала нас. Преследующими нас отрядами командовал капитан Тотон, у которого были хорошие разведчики. Редкие дни проходили без стычек, поэтому мы решили разделиться на небольшие группы. Я с шестью воинами

и четырьмя женщинами направился в горы в районе Горячих Источников в Нью-Мексике. Некоторое время мы кочевали в горах, после чего, надеясь, что солдаты уже ушли, вернулись в Старую Мексику.

Южнее Каса Гранде, недалеко от места, которое индейцы называют «Госода», проходила дорога, ведущая из города, по которой ездило много мексиканских фургонов. Мы укрылись в месте, где дорога проходила через горный перевал, и, как только появлялись фургоны, убивали возниц, забирали нужную нам часть груза, а остальное уничтожали. Мы не боялись за свои жизни, потому что знали, что все теперь против нас. Если мы вернёмся в резервацию, нас посадят в тюрьму и убьют, если же останемся в Мексике, нам не будут давать покоя, посылая каждый раз новые военные отряды. Поэтому мы никого не щадили и ни от кого не ждали пощады.

Через некоторое время мы покинули Госоду и соединились со всем нашим племенем в горах Сьерра-де-Антунез. Вопреки нашим ожиданиям, американская армия не ушла из Мексики и вскоре снова гналась за нами по пятам. Каждый день она беспокоила нас набегами, а четыре или пять раз солдаты захватывали нас врасплох в лагере. Однажды солдаты атаковали нас утром, часов в девять, и угнали всех наших коней (их было девятнадцать). В этой схватке мы потеряли трёх наших воинов. Однако в тот же день после полудня нам удалось напасть на кавалеристов сзади, когда они выехали в открытую прерию, и убить одного солдата. Мы отбили всех наших коней, исключая трёх, которые принадлежали мне. К сожалению, эти три лошади были самыми лучшими скакунами.

Вскоре нам удалось заключить мир с мексиканской армией. Мексиканцы заявили, что именно от-

ряды Соединённых Штатов являются причиной кровопролития, и обещали нас больше не беспокоить при условии, что мы уйдём на территорию США. Мы приняли это условие и тронулись в путь, предварительно решив попытаться заключить мир с американцами и вернуться в Аризону. Нам казалось, что другого выхода нет. Вскоре разведчики из отряда капитана Лотона дали нам знать, что он хочет заключить с нами мир. Однако, зная, что командующим американских отрядов остаётся бригадир Майлз, я решил вести переговоры только с ним.

Я послал своего брата Порико (Белого Коня) вместе с мистером Джорджем Рэттоном в форт Боуе, чтобы он сообщил Майлзу о нашем желании вернуться в Аризону. Майлз согласился со мною встретиться.

Прибыв в лагерь, я сразу же направился к бригадиру. Я рассказал ему о своих обидах и заявил, что хочу со своими людьми вернуться в Штаты, чтобы соединиться с нашими семьями, которые были схвачены и отделены от нас. Бригадир сказал: «Президент Соединённых Штатов прислал меня, чтобы я с тобой мог поговорить. Он слышал о твоих обидах и велел мне сообщить, что если ты согласишься заключить с ним договор, то всё будет хорошо». Бригадир сказал мне, что мы можем стать братьями. Мы подняли руки к небу и обещали соблюдать наш договор. Мы поклялись не причинять друг другу зла и никогда не замысливать измены. Потом мы долго беседовали, и бригадир сказал, что он для меня сделает, если я соглашусь на условия договора. Я не особенно доверял бригадиру, но уж раз сам президент Соединённых Штатов прислал мне через него свои предложения, я согласился заключить договор и соблюдать его. Потом я спросил, каким будет этот договор. Бригадир сказал:

— Я возьму тебя под охрану

правительства, построю тебе дом, огорожу тебе много земли и дам тебе скот, коней, мулов и орудия для обработки земли. Я дам тебе людей, чтобы ты сам не работал. Осенью я буду присылать тебе одеяла и одежду, чтобы ты не чувствовал холода зимой. В краю, куда я тебя пошлю, достаточно деревьев и травы. Ты будешь там жить со своими племенами и своей семьёй. Если ты согласишься на эти условия, ты встретишься со своей семьёй в течение пяти дней.

Я ответил:

— Бригадир, все офицеры, которые занимались делами индейцев, говорили мне то же самое. Я не могу верить тебе, потому что всё это звучит как сказка.

— На этот раз всё правда, — сказал он.

— Бригадир, я не знаю ни законов белых людей, ни законов того места, куда ты хочешь меня послать. Я могу их нарушить.

Он ответил:

— Пока я жив, ты не будешь арестован.

И тогда я согласился на условия договора. (С того времени, как я стал военнопленным, меня дважды арестовывали и сажали в тюрьму.)

Итак, мы встали между его солдатами и моими воинами и положили перед собой большой камень. Камень скрепил наше соглашение, которое должно было существовать до тех пор, пока камень не превратится в прах.

Не думаю, чтобы я когда-нибудь нарушил наше соглашение, но бригадир Майлз так и не выполнил своих обещаний.

Когда мы заключили договор, бригадир сказал:

— Брат мой, твоя голова полна мыслей о том, чтобы убивать людей, и о других военных делах. Я хочу, чтобы ты выбросил их из головы и заменил мыслями о мире.

Я согласился и, подняв руку, сказал:

— Я покину военную тропу и с этого времени буду жить в мире.

Тогда бригадир Майлз разгладил рукой полоски земли и произнёс:

— Твои старые поступки будут стёрты, как эти следы на земле, ты начнёшь новую жизнь.

ВОЕННОПЛЕННЫЙ

Когда я сдался правительству Соединённых Штатов, нас посадили в поезд южной Тихоокеанской железной дороги и отвезли в Сан-Антонио в Техасе, где меня должны были судить согласно их

законам. Через сорок дней меня оттуда забрали в форт Пиккенс (Понсакола) во Флориде. Здесь я был поставлен пилить брёвна. Вместе со мной там было несколько других воинов-апачей, и все должны были работать каждый день. Почти два года держали нас там на тяжёлых работах, так что до мая 1888 года мы не видели своих семей.

Потом нас выслали вместе с семьями в Вермонт в Алабаме, где мы жили в течение пяти лет, работая на правительство. Мы так и не получили никаких известий от бригадира Майлза, и напрасно я ждал момента, когда он пошлёт меня в те места, о которых он говорил. Напрасно я мечтал об инструментах, доме и хозяйстве, которые он мне обещал.

В это время один из моих воинов, Фан, убил себя и свою жену. Затем и другой выстрелил в свою жену, а потом застрелил и себя. Он умер, а женщина выздоровела и живёт до сих пор. Мы очень болели в этих местах, потому что климат для нас был вредным.

В то время, как и сейчас, надзор за индейцами осуществлял мистер Джордж Рэттон. У него с индейцами всё время были недоразумения, потому что он к ним плохо относился. Однажды один из индейцев, будучи пьяным, ударил мистера Рэттона перочинным ножом. Дежурный офицер стал на сторону мистера Рэттона, и индейца посадили в тюрьму.

Когда мы впервые прибыли в форт Силл, комендантом там был капитан Скотт, который приказал за счёт правительства построить для нас дома. От правительства мы получили скот, свиней, индюков и кур. Со свиньями дело шло плохо, потому что индейцы не умели с ними обращаться, до сегодняшнего дня немного индейцев держат свиней. Лучше у нас получается разведение кур и индюков, хотя тоже не так хорошо, как у белых. Но зато очень

хорошо идёт дело со скотоводством, которое мы очень любим.

Много недоразумений вызвала продажа скота и зерна. Индейцы считали, что деньги, полученные от продажи скота, должны передаваться им, а в действительности им давали только часть их, а остальное передавали, как это называли офицеры, в «фонд апачей». До сих пор у нас здесь было пять комендантов, и все они действовали одинаково — не только ни о чём не спрашивали апачей, но даже не ставили их в известность о том, куда идут их деньги. Может, это правительство призывает офицерам вносить деньги, полученные за продажу скота, в «фонд апачей», потому что, когда я один раз пригрозил поручику Пьюрингтону, что подам на него в суд за то, что он часть полагающейся мне суммы удержал и внёс в «фонд апачей», он ответил, что мои действия его не интересуют.

Несколько лет назад нам перестали выдавать одежду. Может быть, и это произошло по приказу правительства, но апачи этого не понимают. Если уж существует какой-то «фонд апачей», то его должны хотя бы передать индейцам или отчитаться перед ними, ведь это заработанные ими деньги.

Когда бригадир Майлз последний раз инспектировал форт Силл, я попросил его освободить меня от работы в связи с моим возрастом. Я также не забыл того, что мне обещал бригадир, когда я с ним заключал договор, и обо всём этом напомнил ему. Он сказал, что меня не будут больше заставлять работать, если только я сам не захочу. И с тех пор меня уже не назначают на работы. Но всё же я немного работаю, потому что, хотя я и старый, я люблю работать и хочу помогать по мере своих сил своим братьям.

Перевёл с польского Е. НЕВЯКИН

Рис. Ю. Бочкарёва

Мои крылатые «гастролёры»

Вот и зима! Снег лежит и не тает, ветер холодный гудит... Озябли синицы, в окно к нам заглядывают: как, мол, насчёт столовой? Скоро откроется?

— Сейчас, — говорю, — открою, дела-то — на полчаса...

Беру коробку от праздничного торта, проделяваю в ней круглое отверстие, сверху — в виде ручки — шпагат привязываю, и кормушка готова. Насыпаю в неё синичий корм и вешаю на два гвоздика за форточку.

У моей кормушки — три стенки, вместо четвёртой — оконное стекло, и мне хорошо видно, что внутри делается: и кормушка, и «сцена» одновременно! А синицы мои вроде как бы артистками станут, «спектакли» мне будут показывать...

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Здравствуй, «актриса»! Здравствуй, гостя желанная! Ну как кормушка, нравится?

Да не бойся, не трону я тебя...

Не верит. Схватила сыру кусочек и — поминай как звали! А на её месте уже другая. В дырку заглядывает... Внутрь заскочила... Озирается...

Ух, какая благодать! Чего тут только нет: и крошки сыра, и колбаса, и семечки толчёные, ешь — не хочу!.. Вот и ешь, коли прилетела.

И пожалуйста, не высовывайся каждую секунду в дверку, никуда она не денется. Никто тебя здесь не запрёт, не обидит.

Маргарин нашла — молодец! Это — сливочный маргарин, вкусный. Да здесь оно, окошко твоё, здесь, ну что ты, в самом деле, трусиха какая...

Ах, вон оно что: ты другим место решила уступить! Хорошо, пусть и другие пообедают...

Подождите, подождите, не все сразу. В кормушку — не больше двух. Ещё две могут закусить салом, что висит на верёвочке. Остальные наберитесь терпения и сидите. Ждите своей очереди. Вот так.

Какие вы все нарядные, симпатичные! Каждая — в жёлтой «кофте», в чёрной «шапочке»! А клювы какие острые! А ножки какие тонкие! А коготки — будто крючки рыболовные. Понятно теперь, почему вы такие акробаты. Сесть на отвесную кирпичную стену, да ещё вниз головой, как вот эта вертикалка, не всякая птица сумеет.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Был мороз, теперь — оттепель!

Зима не зима, лето не лето. Снегу не осталось совсем. Льёт дождь, с крыши течёт...

Бедная моя кормушка! Размякла, скособочилась, вот-вот развалится. Придётся другую делать.

Есть у меня прозрачная плёнка. Та, в которую продукты в магазине заворачивают. Непромокаемая! Возьму новую коробку, оберну её этой плёнкой — не страшна будет никакая сырость!

Сказано — сделано.

Ну, птицы, хороша ли новая кормушка? По вкусу ли?

Что спрашивать, конечно, по вкусу: ишь как облепили её со всех сторон!

Но что же вы там клюёте, глупые? На крыше кормушки ничего нет, и стенки гладкие, чистые...

А правда, что они там долбят вот уже который день? И почему кормушка моя такая некрасивая? Странная какая-то, лохматая... Ба! Плёнка-то — живого места нет — вся ислёвана, одни клочья торчат!..

Что же вы, друзья хорошие, сделали с ней? Чем она вам не понравилась?

Или, напротив, понравилась? Может быть, действительно по вкусу пришлась? В буквальном смысле?..

Так или иначе, а с этой кормушкой придётся расстаться: нельзя же допустить, чтобы на окне, на самом видном месте этакая срамота висела!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Вот кормушка так кормушка! Фанерная. Прочная. Внутри и снаружи белой краской выкрашена. Вместо четвёртой стенки — рамка узорная, расписная. Нарядно. Красиво. И — тепло (очень кстати: мороз-то опять какой!..).

Эй, артисты, где вы там?.. Пожалуйста в новый театр! Галка, а ты куда? Разве ты тоже «актриса»?!

...Чудеса! Летела галка, видит — сало висит. Глазам не поверила: не обман ли какой?..

— Ну-ка, мелюзга, марш отсюда!

Села. Разинула рот — хап!.. Нет, не обман. Самое настоящее свиное сало.

Ещё раз — хап! — и сала заметно поубавилось. Снова — хап! — ещё солидный шматок в желудке. Хорошо! Вкусно так. В животе приятная теплота разливается. Хап, хап... Вот спасибо-то, люди добрые, сытно как накормили... Взмахнула большими чёрными крыльями — только её и видели!

«Антракт». Синицы, где вы? Ваш «выход»...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Ну, наконец-то явилась одна. Села. В кормушку заглядывает. Но что за вид у тебя, «актриса»? Где

ты так выпачкалась, что кофту твою от шапочки не отличить? Не в печной ли трубе отсиживалась? Как, разве ты не синица?..

Воробей, дружище! Ты что, тоже решил в «артисты» записаться? Нет? Ну, ясно, на сцену тебя никакими пряниками не заманишь... А поесть — хочешь, я вижу. Погоди, хлеба дам. На! Цып, цып, цып. Или как там тебя?..

Улетел. Настроение — никудышное.

Понимаю. В такой холод — какое может быть настроение...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Что, что случилось? Почему дребезжат стёкла? Кто там в окно ломится?..

Голубь?! Только тебя и не хватало...

Кыш! Кыш отсюда!

Экий верзила, больше кормушки! Верёвка-то над тобой — смотри-ка — струной натянулась. Хорошо — крепкая, бельевая, а то недолго и до беды: ну как фанерный ящик с пятого этажа вниз загремит, на прохожих, — представляешь, что будет?..

Ничего ты не представляешь.

Кыш! Кыш, кому говорю!..

Ишь какой настырный. Непослушный какой...

Ладно, сяди. Ешь, коли прилетел.

Красивый! Весь как из белого мрамора...

Ну, что косишься своей оранжевой пуговкой? Не наелся? Ещё, что ли, крошек насыпать? Погоди, я сейчас...

Что такое?! Что ты там делаешь? Эй, эй, кормушку сорвёшь! Стекло разобьёшь! Куда лезешь, дурной? Перестань хлопать крыльями! Убирайся немедленно! Что в кормушке — не для тебя, понял?

Ничего не понял.

Голова — в кормушке, сам бешено крыльями машет... Кое-что успел-таки похватать...

Вот так номер! Вот так «артист»! Это уже почти цирковое представление!

Ай да Мраморный!..

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Только что положил в кормушку кусок маргарина — и нет его! Неужели синицы так быстро справились? Не может быть. Тогда кто же? Мраморный?.. Но маргарином он вроде бы не интересуется. Эй, галка, галка, куда ты?!

...Ну и ну: точно такой же номер, с каким Мраморный выступал! Ловко, ничего не скажешь. Но — старо, старо... И потом, честно говоря, я всё-таки против таких номеров. Слышишь, галка? Съесть недельный синичий паёк — это бестактно. Нечестно. Это грабёж среди бела дня!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Холодно, ох, как холодно!..

Ешьте, ешьте, синицы, досыта. И сало долбите. Вот так. Вот как хорошо, как дружно у вас получается...

А ты, милая, почему без хвоста? Где его потеряла? Кошка? Понимаю, понимаю. Ну, ничего. Были бы крылья целы да голова, а без хвоста, с таким вот огрызком — жить можно!

А тебя, маленькая, кто обидел? Кто над тобой так зло посмеялся? Какой злодей привязал к твоей ножке эту тяжёлую яркую тряпку? Как мешает она тебе, как пугает! Жаль мне тебя, а помочь не могу...

Ну, ешьте, ешьте, друзья. Главное — чтобы внутри «огонёк» горел, тогда и мороз нипочём!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

А вот драться здесь я никому не позволю. Тебе говорю, Мраморный.

Я всё видел. Видел, как ты сталкивал с кормушки Сизого, как долбил его клювом в загривок, как скользили ноги Сизого к краю, всё ближе и ближе, как, наконец, сорвался он вниз, шумно хлопая крыльями...

Ты сильный, Мраморный, ты красивый. Но я больше не хочу, чтобы ты прилетал ко мне. И напрасно ты гордо красуешься передо мной мраморным извяданием: ты больше не «артист», и я тебя увольняю. Никогда отныне не сядешь ты на это место: оно будет недоступно для тебя. Кыш, кыш отсюда, скверная птица!

...Это же очень просто: наставить на крыше кормушки палок — и ни один голубь не сядет...

Где молоток? Где гвозди?

Побольше, побольше палок, заострённых, как карандаши! И гвозди длинные, кверху шляпками, пусть торчат. Побольше, побольше гвоздей! А чтобы в дырку не сунулись — и вокруг неё палки. И — гвозди! Вот так. Вот так. Вот хорошо.

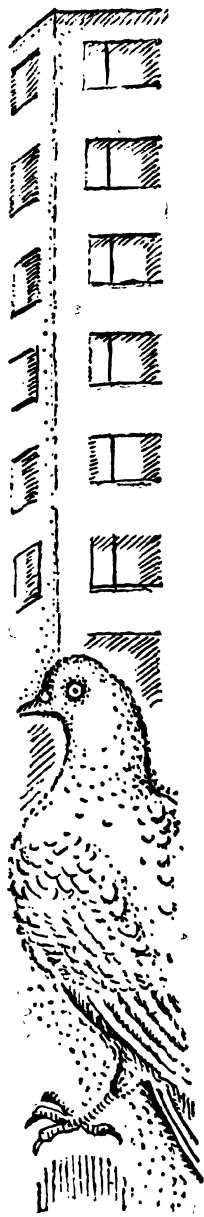
Некрасиво? Что делать... Зато голубям путь закрыт.

Чья кормушка? Синичья. Вот пусть синицы и кормятся. А голубям, галкам здесь не место. Ишь, прилетели на чужие харчи, кто их просил? Тоже мне — «артисты»...

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Мраморный, ты?! Не может быть... На палках? На гвоздях? Сумасшедший! Ведь больно. Вижу — лапами-то перебираешь... И всё-таки сидишь, дуралей... Ну что ж, сиди, коли нравится. Так и быть, сиди. А в кормушку небось уже не сунешься! Что-о?!

Ну, Мраморный, ну удивил! Никогда я не думал, что короткая твоя шея может быть такой «резиновой»... Но для чего же тогда эти палки? Совсем ни

к чему. Где клещи? Скорей! Палки — прочь! Гвозди — прочь! Ничего не поделаешь, твоя взяла, Мраморный!

А вы, синицы, не обижайтесь. Придётся вам иногда уступать ему место, потому что силой своей, ловкостью, красотой, наконец, заслужил он это почётное право. Будь что будет, а я снова записываю его в «артисты».

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Воробей опять прилетел. Как жизнь, приятель? Ничего? Ну и хорошо. Мороз ослабел, самые страшные времена позади. И выглядишь ты довольно бодро, не то что тогда... Впрочем... постой, разве ты — не воробей?..

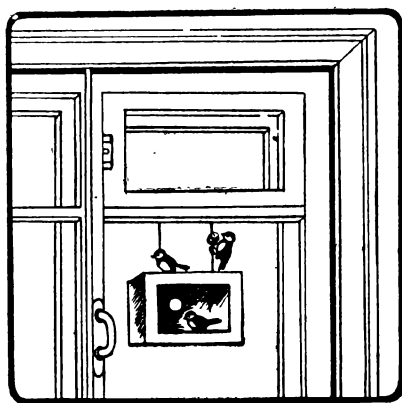
Синица, милая, где ж ты так выпачкалась, что кофту твою от шапочки не отличить?

А вот и подружки. И у них тоже вид не блестящий...

А кормушка-то, кормушка! Только сейчас заметил. Друзья, во что же вы превратили свой театр! Был он такой белый, такой чистый, и вот, пожалуйста, — всё насмарку. Как же так? Эх вы, горе-артисты!.. Ну, ладно, всё хорошо.

Придёт же такое время — прогреет солнышко, растает снег, и «гастроли» ваши у меня закончатся. Не нужна тогда будет моя кормушка. Улетите вы в леса, на луга, песенки свои звонкие запоёте. И я буду рад, что помог вам пережить холодную долгую зиму.

— Пойте, синицы, — скажу я. — Чирикайте, воробьи. Воркуйте, голуби. Каркайте, галки. И — спасибо вам, что есть вы на белом свете!

САМОЕ САМОЕ САМОЕ

РЕКОРДЫ ОДЕЖДЫ И ОБУВИ

САМЫЕ огромные шляпы носят чилийцы. Там даже пришлось запретить шляпы диаметром более 1,75 метра, так как шляпы подчас являлись причиной аварий на улице.

САМАЯ огромная коллекция обуви — со всех континентов — собрана в обувном музее города Гетвальдов (Чехословакия).

САМАЯ старая перчатка хранится в одном из музеев Каира. Она была сделана в IV веке до нашей эры, а найдена в 1923 году при вскрытии гробницы фараона Тутанхамона.

САМЫЕ широкие юбки (так называемые юбки-корзинки) носили в середине XVIII века. Поперечник юбки на бёдрах достигал двух метров, а в окружности по подолу — восьми метров.

САМЫЕ тяжёлые ожерелья носили в начале XX века негры племени монго, жившие в бассейне реки Конго. Эти ожерелья весили 12 килограммов.

САМЫЕ первые каблуки и задники на сапогах появились в XII веке.

САМЫЙ большой в мире галстук, созданный в рекламных целях, висит на фасаде одного из универмагов Токио. Вес галстука — 250 килограммов.

САМЫЙ большой в мире сапог можно увидеть в музее замка Мильденштейн (ГДР). Его высота — 3 метра 70 сантиметров. Изготовлен он был шестью сапожниками в 1925 году, к празднику 600-летия существования цеха сапожных подмастерьев.

САМУЮ древнюю из всех известных тканей нашли турецкие археологи. Этот материал, предположительно шерстяной, обнаружен в руинах древнего города Катар Нуйюк. Учёные определили возраст ткани в девять тысяч лет.

САМЫЙ большой в мире парик изготовлен в рекламных целях одним из лондонских парикмахеров. Ширина его — 120 сантиметров, высота — 105 сантиметров.

САМОЕ большое платье было шито для коронации Екатерины Второй. Его шлейф имел в длину 70 метров, ширину — 7 метров. Несли его пятьдесят пажей.

САМЫЕ высокие шляпы носят жители Новой Гвинеи. Их головные уборы, сооружённые из перьев, достигают шести-метровой высоты.

САМЫЙ большой ботинок — это рекламный образец, находящийся в одном из обувных магазинов английского города Карлоу. Ботинок имеет... сто двадцать восьмой размер.

САМОЕ САМОЕ САМОЕ

собрал В.Козицкий

ШКОЛА ДЛЯ... ДЕЛЬФИНОВ

Четыре черноморских дельфина - афалины, отловленные у берегов Анапы, стали первыми учениками вновь построенной для них школы. В столице советской Аджарии городе Батуме создан первый в нашей стране научно-демонстрационный дельфинарий. Он самый крупный в Европе. Имеет 40 метров в диаметре и 5 метров глубины. Заполнен он морской водой, которая меняется 5 раз в сутки.

Учёные дельфинария поставили главной задачей изучение возможностей использования дельфинов как помощников человека в море. Они могут быть полезными в рыболовстве, при поисках затонувших кораблей или редких ископаемых на морском дне. Незаменимы они в роли «почтальонов» между акванавтами и береговой службой и, наконец, в спасении людей при кораблекрушениях.

В Батумском дельфинарии афалины пройдут полный курс обучения с целью их служебного применения в народном хозяйстве для более полного освоения пищевых, минеральных и энергетических ресурсов мирового океана.

В дельфинарии будет проводиться и большая демонстрационная работа. Трибуны его рассчитаны на 540 мест. Здесь будут показаны способности дельфинов, раскрыты перед посетителями особенности биологии и поведения этих друзей человека.

Занятия в этой своеобразной школе начались в октябре.

КЛАДУ 1600 ЛЕТ!

Неподалёку от города Пуна (Индия) при прокладке ирригационных канав крестьяне нашли клад. В глиняном горшке они обнаружили 1300 серебряных монет.

Археологи установили, что клад пролежал в земле 1600 лет. Монеты были отлиты в центральной части Индии.

Находка даёт учёным ценный материал о культуре и экономических отношениях Индии в III веке нашей эры.

РЕДКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Редкую коллекцию букварей собрали супруги Шатковские (Польша). В неё входят 260 учебников для первоклассников из 30 стран мира: Советского Союза, Венгрии, ДРВ, США, Испании и других. Украшает коллекцию польский букварь, выпущенный в 1836 году.

ДОМА ИЗ... «КУБИКОВ»

На волгоградском деревообделочном заводе имени Куйбышева производятся передвижные дома для строительных рабочих. Это красивые коттеджи на две четырёхкомнатные квартиры со всеми бытовыми удобствами.

Основная особенность таких домов в том, что они собираются из отдельных «кубиков» — блоков, которые изготавливаются на заводе. Там их оснащают всем оборудованием, отделывают, а на месте остаётся в считанные часы собрать их на заранее подготовленном фундаменте.

...с вводом в действие Волго-Балтийского канала создана единая глубоководная транспортная система европейской части СССР! Советские суда получили возможность поддерживать связь со 125 странами, доставлять грузы в 145 портов Европы. По сравнению с действовавшей ранее Мариинской системой пропускная способность нового водного пути увеличилась в 7 раз, а объём грузовых перевозок возрос в 5 раз.

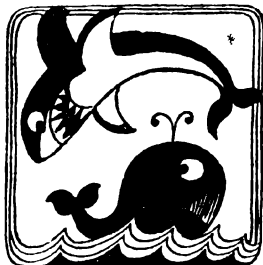
...в нашей стране имеется более 550 профессиональных театров! Кроме них действуют 143 концертные организации и 212 художественных коллективов разных жанров. Они дают ежегодно около 400 тысяч концертов перед аудиторией не менее чем в 140 миллионов человек.

...безжизненные каракумские пески под Ашхабадом стали «зимним курортом» для перелётных птиц! Вдоль 840-километрового Каракумского канала разлились многочисленные озёра. Они-то и стали «зимними квартирами» пернатых переселенцев.

...касатку часто называют тигром морей! Она не только нападает на тюленей, но и отваживается вступить в бой с крупными китами. Хищница «вооружена» 56 зубами-кинжалами. Зато у другого зубатого кита — клюворыла зубов можно и не обнаружить. Их всего два, да и они часто скрыты. Клюворыл — существо мирное. Питается в основном морскими моллюсками.

...растения поглощают вместе с подземными водами и откладывают в себе минеральные вещества, скрытые в почве! Особенно «жадны» они к редким и цветным металлам, в частности к золоту. Учёные определили, что, среднее содержание золота в растениях, собранных на одном из среднеазиатских месторождений, достигают двух граммов на тонну зелёной массы, а некоторые виды содержат даже до 11 граммов. Таким образом, растениям Средней Азии принадлежит «рекорд» по содержанию благородного металла.

...в Таджикистане есть гора Ходжа Мумии, которая от основания до вершины состоит из... поваренной соли! Геологи республики детально изучают загадку природы с целью наиболее полного использования её богатства.

...на самой высокой в Армении горе Арагац создаётся самый большой в стране историко-археологический музей под открытым небом! Экскурсанты увидят здесь подлинные языческие святилища, древнейшие захоронения и сооружения. В комплекс музея войдёт также здание средневековой духовной семинарии села Арич. Раскопки на Арагаце продолжают, и новые находки войдут в экспозицию высокогорного музея.

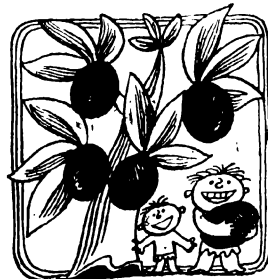
...энтомологическая коллекция Зоологического института Академии наук СССР — крупнейшая в нашей стране и одна из самых больших в мире! В её фондах хранится около 15 миллионов экземпляров насекомых мировой фауны. Исключительно богато представлена фауна Советского Союза, насчитывающая более 100 тысяч видов. Ежегодно коллекция пополняется на 150—180 тысяч экземпляров насекомых.

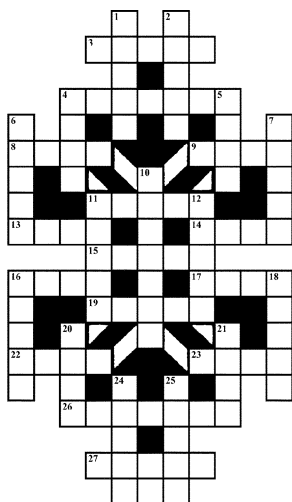

...среди ценных минералов, добываемых в нашей стране, есть один, который гораздо дороже золота! Это исландский шпат. Его месторождения открыты и разрабатываются в дремучей тайге Сибири. Причина уникальности и ценности минерала — в его свойстве двоять и поляризовать лучи света. Поэтому он нашёл широкое применение на предприятиях, выпускающих оптические приборы.

...дыни растут и на... дереве! Дерево это необычное. Совершенно голый ствол достигает высоты двухэтажного дома. На вершине его в кроне из больших листьев висят плоды. Они жёлто-зелёные и наполнены сладкосочной мякотью, очень похожи на дыню. Поэтому ботаники назвали это дерево — папайя (дынное дерево). Дерево это в основном растёт в тропиках. Растёт папайя и у нас — в гагском опорном пункте Главного ботанического сада. Высаженные в открытый грунт, деревья отлично прижились и дают в среднем 30 килограммов плодов каждое.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ. 3. Крик, речь, пение. 4. Освобождённая от деревьев полоса в лесу. 8. Простейший механизм, имеющий одну или две рабочие грани в виде наклонных плоскостей. 9. Постановление верховного органа власти. 11. В Англии — конторщик, писмоводитель в банковском предприятии. 13. Дикий бык, близкий к буйволам. 14. Ничем не заполненный перерыв, пробел между уроками. 15. Род многолетних водных растений семейства кувшинковых. 16. Углубление в стене здания. 17. Эскадренный броненосец, принимавший участие в Цусимском сражении 1905 г. 19. Тканая или вязаная одежда на ногу. 22. Русский учёный-диалектолог, этнограф, писатель. 23. Столица Норвегии. 26. Передача звуков на расстояние по проводам при по-

мощи электрического тока. 27. Начальный момент при спортивных состязаниях в беге, гонках и т. д.

ПО ВЕРТИКАЛИ. 1. Простейшая грузоподъёмная машина. 2. Род рыб из семейства лососевых. 4. Награда, вручаемая победителю в спортивных соревнованиях. 5. Архитектурное сооружение криволинейной формы, служащее для перекрытия отверстия в стене. 6. Учебное заведение. 7. Впадина на поверхности суши, заполненная водой. 10. Устройство для регулирования и запираания потоков жидкости, пара, газа. 11. Белый хлеб, выпеченный в форме замка с дужкой. 12. Утолщённая сзади подкладка под пятку, вкладываемая в туфли. 16. Американские страусы. 18. Французский композитор, видный представитель французской классической оперетты. 20. Съезд, собрание членов, представителей какой-нибудь массовой организации. 21. В древнегреческой мифологии герой, глава похода аргонавтов. 24. Отдельная нежилая постройка для хранения имущества. 25. Вид гравюры на металле.

ХИТРЫЙ РЕБУС

Внимательно рассмотрите этот ребус. Он не так уж прост. Что зашифровано с его помощью?

ЗАДАЧА-ШУТКА

В какой части растения имеет-
ся камень (его можно удалить, но
он всё-таки останется)?

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 10)

КРОССВОРД

По горизонтали. 1. Каша. 3. Арара.
6. Метеор. 7. Олуша. 8. Нектар. 11.
Картер. 14. Замок. 15. Орлеан. 16.
Катод. 17. Крот.

По вертикали. 1. Камин. 2. Агент.
3. Аврора. 4. Август. 5. Айва. 9. Ком-
пот. 10. Аккорд. 12. Ролик. 13. Ранет.
14. Знак.

МАЛЕНЬКИЙ РЕБУС

Кислород-(с/КИ+СЛО/в-Р/О+Д)

СИНОНИМЫ

Масса. Гибель. Множество. Про-
пасть. Бездна. Обилие. Тьма (Уйма).

СОСТАВЬТЕ ПОСЛОВИЦУ

Кто на все руки, у того нет ску-
ки.

ПО ТРИ БУКВЫ

Если народ един, он непобедим.

Содержание

За тебя, Революция!.. Стихотво- рение Германа Гоппе	1
Трудный месяц май. Продолже- ние повести Ильи Миксона . . .	3
Парашютист. Стихотворение Сер- гея Каширина	12
Встреча с «Авророй». Стихотво- рение Гюльгусейна Кязима . . .	13
Эргос+Номос. Статья Ю. Басни- на	14
На смотре юных кулинаров. Строгая дежурная. Хор и соли- сты. Стихи А. Соколовского . . .	20
Планета «Сто . . . одиннадцать — двести». Продолжение пьесы В. Воскобойникова	21
Тыл был фронтом. Очерк Эд. Аренина	34
Солдатская шинель. Стихотво- рение Дениса Гордеева	40
«Заложили Адмиралтейский дом...» Статья А. Иванова	41
И, портрет, и поэма. Текст к 3-й странице обложки	47
В зоопарке. Стихотворение Л. Шкавро. Мальчишки и мар- тышки. Стихотворение В. Сусло- ва. Белый медведь. Стихотворе- ние Льва Протопопова	48
В тюрьме и на военной тропе. Воспоминания вождя племени апачей Гойатлая	49
Мои крылатые «гастролёры». Рассказ А. Шибяева	55
Самое, самое, самое	60
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят	63

На 1-й странице обложки: рису-
нок художника Г. Ясинского «До-
рогами отцов».

На 2-й странице обложки: гра-
вюра художника В. Сердюкова
«Октябрь».

На 3-й странице обложки: пор-
трет В. В. Маяковского, выполнен-
ный акцидентным набором.

На 4-й странице обложки: рису-
нок художника Ю. Шабанова
«Первый снег».

Редактор В. Л. БИАНКИ

Редактор-составитель В. Н. СУСЛОВ.

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: А. Е. Власов,
Н. А. Внуков, И. Л. Дворкин, К. И. Курбатов,
А. М. Млодик

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 12-87-55.

Сдано в набор 3/Х 1974 г. Подписано к печати 14/ХІ 1974 г. 4 п. л.
М-21550. Зак. № 886. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 60 000 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата
Ленинград, Фонтанка, 57.

[illegible]

